

Э. Шухардт / Л. Копелев



Голоса
детей из
Чернобыля



ГЕРДЕР

СПЕКТРУМ

ГЕРДЕР/СПЕКТРУМ

Том 4476

Книга

Десять лет после Чернобыльской катастрофы: потерпевшими до сих пор являются пораженные дети и их семьи. ЭРИКА ШУХАРДТ, награжденная многочисленными призами, защитница пострадавших, уже многие годы поддерживает связь с детьми, их собственными и принимающими родителями. Она идет по пути взаимных встреч, образования и сопровождения здесь, а также в Беларуси и Украине. Именно эти дети становятся посланниками мира и взаимопонимания. Они черпают новые силы не только для себя лично. Они преобразовывают также свою страну. И встречаясь с ними, вслушиваясь в ими испытанное, мы все учимся — это живой документ человечности. Это доказательство тому, на что способны социальная фантазия и беспримерная любовь к ближнему. "Исследовательская работа Эрики Шухардт строго научна и страстно лирически публицистична. Этой книге я желаю возможно больше читателей, прежде всего среди государственных политических деятелей и всех людей доброй воли" (ЛЕВ КОПЕЛЕВ).

Авторы

ЭРИКА ШУХАРДТ, д-р фил.наук, родилась в 1940 г. в Гамбурге, профессор по исследованию образования и по обучению взрослых в Ганноверском университете, член Синода Евангелической Церкви Германии с 1972 по 1990 гг., член экуменических органов Всемирного Совета церквей, вице-президент Немецкой Комиссии ЮНЕСКО с 1986 г., член Немецкого бундестага с 1994 г. Награждена призом в области литературы за свою книгу "Почему именно я..? Учиться жить в кризисной ситуации". Настоящим она представляет результаты своей многолетней научно-исследовательской работы.

ЛЕВ КОПЕЛЕВ, родился в 1912 г. в Киеве, изучал философию и журналистику, защитился в 1941 г., был на фронте до 1945 г. в качестве офицера-агитатора. Арестован в последний месяц войны, обвинение: сострадание к врагу. Почти десять лет советских лагерей. После реабилитации в 1956 г. преподаватель в Институте истории искусства в Москве. С 1980 г. в Федеративной Республике Германия. В 1981 г. лишен советского гражданства. Научно-исследовательская кафедра. В 1981 г. лауреат Премии мира Немецкой книжной торговли.

Эрика Шухардт
Лев Копелев

Голоса детей из Чернобыля

Гердер
Фрайбург—Базель—Вена

Купив эту книгу. Вы окажете поддержку работе в пользу детей Чернобыля и их родителей в Беларуси и Украине

Отпечано на экологически чистой бумаге
без применения хлора

Издание в оригинале

Все права принадлежат — Printed in GERMANY

© Издательство Гердер Фрайбург в Брайсгау 1996 г.

Изготовлено: Фрайбургские графические предприятия 1996 г.

Оформление обложки: Йозеф Пёльцербауэр

Мотив обложки:

Франтишек Купка, Диски Ньютона (1911—1912 гг)

© VG Bild-Kunst, Bonn 1995

ISBN 3-451-04476-5

"Чернобыль -это для меня *ТАТЬЯНА*,
а *ТАТЬЯНА* — это для меня Чернобыль
ТАТЬЯНА и я
мы теперь неразлучны, как цвета радуги"

АННА, девочка из Германии

ТАТЬЯНЕ и АННЕ
и всем Чернобыльским детям
и их семьям на Востоке и Западе
с благодарностью за их доверие
и в глубокой надежде
на победу их безмолвной революции

Настоящая психосоциальная студия к разработке рекомендаций была подготовлена по инициативе Постоянного Представительства Федеративной Республики Германия при ООН в Вене для (теперь уже распущенного) Чернобыльского координационного бюро ООН при Международном агентстве по атомной энергии в Вене.

При создании эмпирической части студии участвовали:

с белорусской стороны

Анатолий Истоменко
Михаил Козловский
д-р. Петр Садоуский
Ирина Усова

с немецкой стороны

д-р. Марио Файгель
д-р. Хельге-Д. Шенк
Франк Нэгеле
Марк Шпайх

с обеих сторон

коллеги и учащиеся, дети, немецкие принимающие родители и дети, белорусские и украинские семьи, представители различных Чернобыльских инициатив и политики обеих сторон. От имени всех названы

Дирк Хайер, Штефан Лилье, Петер Пшибилла

СОДЕРЖАНИЕ

"Чернобыль предостерегает!" (Лев Копелев)	9
Мнение министра иностранных дел (Клаус Кинкель)	11
По следам одной тайны	13
1. Напоминание о катастрофе	17
2. Тезис о "культурном шоке" -опасность или фантом?	22
В пути — среди людей, лошадей и повозок	22
Дети — посланцы Чернобыля .	38
Безмолвная революция — голоса из огненной печи	44
3. Ситуация сегодня	53
.Жизнь после катастрофы — ожидание смерти	53
"Чернобыль — уже почти забыт?".	61
4. Конец одностороннего движения - исследовательская группа с Востока и Запада	67
5. Личная инициатива — раньше преследуемая, теперь — требуемая .	70
6. Совместная жизнь в деревянном доме -подход альтернативного исследования .	76
"Делили стол и лежанку"	76
Немецкие "родители" в детском доме	82
Дайте человеку не только рыбу, но и удочку	89

7. Результаты опросов по качественному признаку (более 150), проведенных на Востоке и Западе	91
Беседы с Чернобыльскими детьми	92
Беседы с немецкими "родителями" в Германии	94
Беседы в семьях в Беларуси и Украине	95
8. Результаты опроса пострадавших по количественному признаку (более 1000) на Востоке и Западе	97
Опрос Чернобыльских детей (765)	98
Опрос немецких "родителей" (201) в Германии	108
Опрос семей (229) в Беларуси и Украине	114
9. Итоги и перспективы психосоциального исследования	131
10. Рекомендации по преодолению кризиса, вызванного чернобыльской катастрофой	138
11. Международные инициативы в районе катастрофы	149
12. И все же надеяться! Единство науки, политики и нравственности (Лев Копелев)	153
13. Совместное послесловие послов Беларуси, Украины и Германии	157
14. Информационная литература по данной тематике	160
Специальная литература для углубления Литература Эрики Шухардт	
15. Меморандум - импульс для продолжения собственной работы	161
16. Биографические данные авторов и сотрудников	165

"Чернобыль предостерегает"

Когда теряет память один человек, это амнезия — трудно или вовсе неизлечимая болезнь, несчастье для больного и его близких. Когда теряет память народ, когда амнезией поражены политические деятели, журналисты, педагоги, которые намеренно или невольно "забывают" прошлое своей страны, оттесняют или искажают его, это величайшая угроза для всех их соотечественников и для других народов. Чернобыль — грозное предостережение — примета новой исторической эпохи, которая началась уничтожением Хиросимы. "Забывать" о Чернобыле преступно.

Распад великой атомной державы СССР не устранил и не ослабил угрозы новых катастроф, подобных чернобыльской. Один тяжелый снаряд или одна авиабомба могут превратить любую атомную электростанцию в десятикратную Хиросиму.

Исследовательская работа Эрики Шухардт строго научна и страстно лирически публицистична. Этой книге я желаю возможно больше читателей, прежде всего среди государственных политических деятелей, журналистов, педагогов. В свете неугасимого пламени чернобыльского реактора, число жертв которого все еще возрастает, необходимо рассматривать и события в других странах, в Боснии-Герцеговине, на Кавказе, в Таджикистане, в "горячих точках" Африки...

Страшные судьбы "детей Чернобыля", которые и сегодня еще рождаются обреченными на страдания и раннюю смерть, — однозначный урок: ни в одной стране, и всего менее в такой, где накоплены запасы ядерного, биологического и химического оружия, где атомные электростанции представляются необходимыми, не может быть никаких "внутренних дел". Научно-техническая цивилизация и вместе с ней экологические угрозы уже достигли такого уровня, что фактически все народы на всех континентах неразрывно связаны между собой.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ призывал всех нас, своих современников, стремиться к единству науки, политики и нравственности. Его жизнь была примером такого единства. И сегодня это не должно оставаться только мечтой. Это необходимость!

Голоса из Чернобыля, звучащие в книге ЭРИКИ ШУХАРДТ, доказывают неопровержимо, что именно это единство — решающее условие для того, чтобы сохранить жизнь на нашей планете.

Мармаген, 14 марта 1995 г.

ЛЕВ КОПЕЛЕВ

Мнение министра иностранных дел

Настоящее исследование *Безмолвная революция детей Чернобыля* является первой эмпирической работой, разработанной совместно людьми из Беларуси, Украины и Федеративной Республики Германия. В ней опубликовано 1500 *голосов из Чернобыля*, высказанных в интервью и опросах. В ней в первую очередь исследуется психосоциальная проблематика пораженных радиацией детей Чернобыльского региона. При этом также был подхвачен и тезис "культурного шока". Важным результатом этой научной работы для ведущейся по всему миру дискуссии явилось то, что "культурный шок" во время пребывания на Западе на самом деле является "фантомом". Это исследование доказывает, что при пребывании чернобыльских детей в немецких семьях состоялась встреча культур, которая содействует смягчению душевных страданий и восстановлению надежды на уже казавшееся потерянным будущее.

Госпожа проф. д-р ЭРИКА ШУХАРДТ показывает, что благодаря ее личному ангажементу и самостоятельной деятельности удалось создать многочисленные контакты между немецкими "родителями", "братьями и сестрами" в Германии и семьями детей в Беларуси и Украине. Тем самым она сама становится послом мира и надежды. Своей работой она зажгла искру и мне хочется поддержать ее дело. Спустя 10 лет после этого ужасного события политика и экономика, наука и культура, учителя и ученики призваны найти путь для более тесного сотрудничества.

Бонн, 13 августа 1995 г. Клаус Кинкель

По следам одной тайны

Когда тайна слишком велика, то никто не отваживается сопротивляться (Сент-Экзюпери, "Маленький принц"). Эта мысль Сент-Экзюпери коснулась меня непосредственно в бесчисленных встречах с людьми из городов и самых отдаленных деревень Беларуси и Украины. До этого я не знала, что в мире может быть так безмолвно, так одиноко, так безысходно и все-таки полно надежды.

А все началось с того, что я по просьбе Постоянного Представительства Федеративной Республики Германия при Организации Объединенных Наций в Вене и в контакте с Чернобыльским отделом Международной организации по атомной энергии, существовавшим до 1993 года, согласилась подготовить научное исследование по вопросам улучшения психосоциальных условий жизни людей в Чернобыле. Я даже не предполагала, что поступивший ко мне в 1991 г. запрос в связи с моими публикациями по вопросам преодоления жизненных кризисов на основании анализов новейших биографий из мировой литературы (свыше 1000)* — станет началом бесконечной истории. Об этой истории переосмысления 'на Востоке и Западе, о безмолвной революции детей Чернобыля и расскажет эта книга.

Рассказывать станут пострадавшие люди, живущие с *

См. также ШУХАРДТ Эрика: "Почему именно я...?" "Учиться жить в кризисных ситуациях". 11-е. расш. и проем, издание. Гёттинген Изд-во ВАНДЕНХЕК и РУПРЕХТ, Переводы на несколько языков, награждена премией в области литературы.

нами на этой земле: дети посланцы Чернобыля, немецкие "родители", "братья и сестры", семьи из Беларуси и Украины, а также политики с Востока и Запада. И то, что начиналось как заказ психосоциального исследования, постепенно вылилось в документацию Чернобыльского движения, изменяющего мир. И именно им, доверившимся мне, и всем тем, кто отправился в путь вместе с нами и маленькими посланцами, чтобы предстать перед общественностью, и посвящается эта книга.

Звучащие здесь голоса пострадавших людей вновь воскрешают в нашей памяти огромные масштабы Чернобыльской катастрофы. Они напоминают о человеческом измерении несчастного случая, но одновременно вселяют в нас мужество, чтобы создать новые концепции эффективной, ощутимой помощи. При этом я думаю в первую очередь о том, чтобы люди чаще встречались. Любая встреча с облученным ребенком и его семейным окружением представляет собой мост к людям с Востока. Давайте же построим этот широкий мост! Не только для того, чтобы оказать помощь безвинным жертвам атомного взрыва, но также и для того, чтобы познать самих себя.

Для меня это единственно мыслимая попытка научиться жить с этой катастрофой не пытаясь ее забыть. Ее масштабы и ее ужасы слишком велики. Слишком глубоко сидит в наших душах страх перед этим недобрым плодом нашей высокоразвитой технической цивилизации, слишком отчетливо мы осознали ее ужасы той весной 1986 года.

Довольно часто находят распространение с моей точки зрения неважные и ложные толкования как, например, все снова и снова высказываемое утверждение о том, что дети из Чернобыля в результате поездки за границу подвергаются так называемому "культурному шоку". Я никогда не соглашусь с подобной интерпретацией.

Что может и что должно быть сделано? В этом исследовании я хочу отчитаться перед самой собой о своей деятельности и своей личной причастности. Может быть, оно покажется некоторым читателям только как попытка более успешно справиться с ужасом, продолжающим действовать на нас. Однако мне важно, чтобы голоса пострадавших от Чернобыля людей зазвучали еще громче, чтобы их услышали, несмотря на завесу умолчания. И тогда эта книга будет понята как предостережение от опасности обладания атомной энергией

Моя задача заключается в том, чтобы дать толчок людям, пробудить и призвать их к совместной работе, чтобы они отправились в трудный путь к обреченным детям Чернобыля. Может быть, такое сопровождение сможет стать началом радикальных политических мероприятий, отправной точкой которых явится многострадальная и безмолвная революция детей Чернобыля.

Мне также хочется выразить здесь благодарность Льву Копелеву за то, что он долгие годы сопровождал создание этой книги своим жизненным опытом и своим неподкупным взглядом на людей и народы, обогатил ее своими статьями и, наконец, принимал участие в ее издании.

Пасха 1995

Эрика Шухардт

Профессор Ганноверского
университета

Одна из основателей фонда при
федеральном обществе труда
«Детям Чернобыля в Германии»

Партнер Беларсского общественно-
полезного фонда, Минск

1. Напоминание о катастрофе

26 апреля 1986 г. на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошла самая крупная за всю историю человечества катастрофа в ядерной промышленности. Проводимый эксперимент вышел из-под контроля, взрыв разрушил корпус реактора, графитовые стержни начали плавиться и стала распространяться радиоактивность. Сколько радиоактивного материала было выброшено в атмосферу, можно определить только приблизительно. Самое малое — семь тонн. Таким образом, впервые произошла катастрофа, "самый крупный несчастный случай", какой себе только можно представить, в рамках коммерческого использования атомной энергии.

В то время, как два дня спустя сигнал тревоги, поданный отделом радиационной защиты при шведской электростанции Форсмарк, взбудоражил все государства Северной и Центральной Европы, на Украине и в прилегающих советских республиках была предпринята попытка преуменьшить масштабы катастрофы, чтобы избежать общественных волнений. С большой задержкой стали приниматься меры по переселению, и многие люди, проживавшие в окрестностях разрушенного реактора, недостаточно информированные, подверглись, будучи совершенно незащищенными, смертельному облучению. Это касается также и тех 230 тыс. рабочих, так называемых *ликвидаторов* (сравни особенно третью главу), которые в последующие недели накрыли реактор бетонно-стальным саркофагом толщиной в несколько метров.

Две трети всех выброшенных в атмосферу радионуклидов выпали на территорию

Беларуси. Пострадал каждый пятый из 10 миллионов жителей, среди которых 500 тыс. детей. Свыше одной трети территории Беларуси подверглось радиоактивному заражению (для сравнения: 4,8 процента украинской и 0,5 процента российской территории также подверглось радиоактивному загрязнению). Период полураспада большинства выброшенных радионуклидов, цезия-137 и стронция-90, составляет около 30 лет. В 1994 г., восемь лет спустя после катастрофы, заражение уменьшилось на 18 процентов, но вместе с тем повышается растворимость радионуклидов, а потому они усваиваются растениями, включая грибы и ягоды, и отравляют их.

Радиоактивное облако достигло также и Германии. И прежде всего в Баварии были обнаружены повышенные дозы радиации. В лесных грибах и у диких животных еще и сегодня фиксируются повышенные дозы радиации.

Вообще относительно фактического количества жертв существует большая неясность. В то время как украинские органы здравоохранения по поводу девятой годовщины несчастного случая сообщали, что на одной только Украине от последствий атомной катастрофы погибло в целом 125000 человек, то из Беларуси, которая пострадала значительно больше от радиоактивного облака, сообщались значительно меньшие цифры. В то время как эксперты подвергают сомнению данные Украины, то цифры из Беларуси им кажутся слишком заниженными (сравни *"Ди Цайт"* от 19 мая 1995 г.) Масштабы влияния катастрофы на состояние здоровья лучше всего можно уточнить на примере судьбы ликвидаторов. Если в 1986 г. 78 процентов из них оценивались как вполне здоровые, то в 1994 г. это было всего только 48 процентов (сравни *"Франкфурте Рундschau"* от 27 апреля 1995 г.). Почти 10 тыс. ликвидаторов якобы уже умерли, но эту цифру очень трудно определить

однозначно; официальной стороной приводятся в качестве объяснения мероприятия по переселению.

После аварии до начала 1993 г. в этом огромном энергетическом комплексе еще по крайней мере трижды случались пожары. И тем не менее три неразрушенных реакторных блока снова эксплуатировались. Под давлением международной общественности украинский парламент принял решение до конца 1993 г. законсервировать атомную электростанцию. Но 21 октября 1993 г. депутаты 21 голосом против 38 проголосовали за продолжение эксплуатации. Обосновывалось это тем, что только с помощью Чернобыльской атомной электростанции можно справиться с нехваткой энергии на Украине.

А между тем новые сообщения заставили мир насторожиться. В саркофаге появились трещины, через которые в небольших количествах распространялась радиоактивность. И если бетонное укрытие рухнет и попадет вовнутрь реактора, тогда, по мнению экспертов, может сформироваться еще более мощное радиоактивное облако, нежели в 1986 г. Украина не может раздобыть те 5-10 миллиардов долларов, необходимых для обеспечения долгосрочной безопасности разрушенного реактора. Но и западные страны ввиду размеров данной суммы, несмотря на существующую угрозу их собственной безопасности, медлят с оказанием Украине действенной финансовой помощи.

Десять лет спустя после суперкатастрофы авария на реакторе давно превратилась в событие всемирно-исторического значения. С тех пор, как Чернобыльская трагедия стала неуправляемой, а ее масштабы очевидными, с тех пор название места, где произошло это несчастье, стало символом технической катастрофы, случившейся по вине человека. На память приходят слова, высказанные Карлом Ясперсом о взаимоотношении человека и атомной бомбы: *"На границе наших деяний располагается вся*

серьезность нашего мышления. Наша эпоха должна научиться понимать, что не все можно "сделать".

Ядерное пламя Чернобыля не было обычным несчастным случаем, аварией, результаты которой можно было устранить, ущерб от которой -возместить и нематериальные последствия которой исправить. И после того как пылающие и излучающие радиацию останки разрушенного реактора были кое-как погребены под бетонным укрытием и предприняты — слишком поздно — меры по эвакуации, десятки тысяч людей подвергаются смертельной опасности, сотням тысяч наносится громаднейший ущерб, а значительные части территории Украины и Беларуси превращаются почти на вечные времена в земли, не пригодные для проживания на них. Таким образом. Чернобыльский атомный реактор остается пылающей печью в душах пострадавших.

Спустя год после избрания МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА генеральным секретарем КПСС Чернобыль стал вехой новой эпохи и объективным мерилom новой провозглашенной открытости советской политики. "Гласность" потерпела крах в отношении Чернобыля. Вместо этого продолжалась советская информационная политика, основанная на дезинформации и засекречивании. В рамках политики сокрытия истины, проводившейся московским центром, пострадавшие люди представляли собой бесформенный объект в руках аппаратчиков. Чтобы приуменьшить данные о радиоактивно зараженной территории, Центральный Комитет КПСС принял решение увеличить максимально допустимую дозу облучения. Таким образом стало возможным переселение сотрудников атомной электростанции из Припяти в не менее зараженный город Славутич (сравни. *"Ди Вельт"* от 25 апреля 1995 г.). И то, что тем самым люди подвергались медленной смерти, кажется, не играло никакой роли для ответственных лиц. К ответственности никто из них никогда не был

привлечен.

Уже вскоре после катастрофы люди во всем мире стали лично выступать за то, чтобы принять у себя дома Чернобыльских детей с тем, чтобы они могли избежать, хотя бы в течение недолгого, времени воздействия радиоактивно зараженной среды, зараженных продуктов питания и безнадежности. И как следствие политики умолчания российское правительство стало противопоставлять этим инициативам тезис о "культурном шоке": дети, мол, встретившись с благополучием в принимающих странах, испытают неизлечимый шок.

2. "Тезис о культурном шоке" — опасность или фантом?

В пути — среди людей, лошадей и повозок

Сколько бы я ни ездила по дорогам, которые, что касается выбоин, сравнимы с бегом с препятствиями; по мостам, через поврежденные бетонные плиты которых просачивалась черная вода; сколько бы я ни посещала наполовину затопленные белорусские мазанки и деревянные дома, где бы я ни была, я нигде не видела ни одной семьи, ни одного ребенка, пострадавшего от "культурного шока" после пребывания на Западе. Чтобы удостовериться в данном вопросе, я не только полагалась на количественные научные опросы за границей — для детей из Чернобыля это была Германия — и на так называемые "качественные" интервью с приглашенными детьми, приглашающими родителями и политиками, но и сама ездила туда, чтобы на месте пережить, послушать и узнать, что случилось на самом деле и как повлияло на родителей и детей в Беларуси и Украине пребывание в Германии.

На чрезвычайную актуальность данной тематики указывает не только постоянно проводимая Федеративной Республикой Германия акция, вызванная визитом бывшего председателя Верховного Совета, господина шушкевича из Беларуси в 1990 г. В связи со своей зарубежной поездкой он развернул общественную кампанию, прося о понимании необходимости перевода непосредственно в Беларусь

имеющихся в распоряжении денежных средств: тогда, мол, можно будет начать мероприятия по организации отдыха в собственной стране, обеспечить оздоровление детей в Беларуси и тем самым предотвратить опасность "культурного шока" при посещении Германии.

Апогеем этой дискуссии стало проведение конгресса *Дискуссии о культурном шоке — международный конгресс, 1994 г.*, который стал официальным форумом правительства в Минске. Он состоялся 26 апреля 1994 г. параллельно с альтернативным конгрессом, организованным гражданской инициативой "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ". Оба конгресса имели одну и ту же тему, но разные цели. Первый проводился государством, второй - Минской гражданской инициативой "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ". В то время как одни пытались доказать наличие "культурного шока", другие стремились опровергнуть подобную точку зрения.

В то время как на официальном конгрессе был представлен тезис о том, что:

— **"Дети выздоравливают только в собственной стране",**

Форум гражданской инициативы защищал следующий антитезис:

— **"Здоровье означает не только физическое здоровье и медицинское выздоровление. Здоровье означает целостное душевное благосостояние, так называемое психофизическое и социальное здоровье или выздоровление".**

Кстати, это определение здоровья представляется вот уже в течение нескольких десятилетий международной Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) в Женеве. Мне хочется уже здесь предоставить слово нескольким детям и родителям из Беларуси, которые в рамках моего исследования описали свои ощущения в связи с поездкой в Германию.

Во время бесед на местах, в городах и селах, расположенных в окрестностях Чернобыля, я получила на свой вопрос о том, что означало для них пребывание в Германии, следующие характерные ответы:

· „Знаете ли, после Чернобыльской катастрофы мои родители очень изменились. Они, собственно, всегда серьезны и печальны, больше молчат. Сидят и ждут. Они устали, болеют, никакой надежды. Они чего-то ждут, но сами не знают — чего. Они забывают, что нас никто не ждет. Иногда мне даже не хочется заходить в дом. Иногда мне кажется, что я задохнусь там. Все так темно, но так не должно больше быть. В Германии я видела, что можно и по-другому. Я рассказала об этом родителям. Мне хочется учиться, изучать языки. Хочется сделать что-то такое, чтобы и у нас тоже все стало иначе“.

· "Мои немецкие "родители" были другими — все было иначе, все... И все было так прекрасно... Соки, и там не было заборов...; там была настоящая свобода... Все они были другие. Они обращались друг с другом приветливо. Каждый говорил, что думал. Но странно, они не спорили, но очень много и долго дискутировали. У них было много времени, чтобы говорить друг с другом, но также и играть. У них было много времени, чтобы слушать друг друга"

· "Знаете ли, это не было горечью и агрессивностью; у нас это от заботы, потому что мы не знаем, как нам заплатить за все это и есть ли у нас работа. Почему у нас не может быть как в Германии? Я бы очень хотела этого, и для

этого мне хотелось бы что-нибудь сделать. Я привезла с собой игру, и теперь мы играем вместе. М'и просто хотим все начать по-новому!"

- *"Да, об этом я должна подумать. Все было иначе. А кое-что было совсем иначе. Они молились. Мне это незнакомо. Я знаю только, что моя мать крещеная. Это было очень далеко, у бабушки с дедушкой. Крестили ее тайком, без паспорта, чтобы она тогда не лишилась работы. Сегодня мы можем креститься. Мы крещеные. Но мы, к сожалению, ничего не делаем с этим. Моя немецкая семья молилась и пела вместе со мной. Теперь я хотела бы снова ходить в церковь вместе с бабушкой. Моя бабушка пела вместе со мной и рассказывала мне о вере".*

На мои многократные замечания, не хотел бы ли он остаться в Германии, один мальчик настойчиво повторял:

- *"Нет. Вы можете быть уверены в том, что остаться в Германии я не хочу. Но мне хочется, чтобы я имел возможность регулярно ездить туда, чтобы видеть, что и как они делают это иначе. Надеюсь, что смогу снова приезжать туда. Этого для меня достаточно. Но жить и работать я хотел бы в собственной стране".*

На вопрос, испытали ли они во время поездки в Германию "культурный шок", вызывающий депрессивные расстройства или психические заболевания, я всегда получала отрицательный ответ. Правда, в двух случаях говорилось об интенсивных переживаниях, которые начались в момент отъезда из Германии и продолжались в течение трех суток (все это соответствует нашим знаниям о поведении переживающих людей).

Тот факт, что в обоих случаях состояние печали переживалось настолько интенсивно, что дало толчок новым импульсам, подчеркивает его положительный эффект: шанс жить и учиться.

Наряду с проблемой "культурного шока" следует спросить, насколько удалась после возвращения реинтеграция в беларусское общество. Ни один из ребят не высказал желания остаться в Германии, за единственным исключением. Этот ребенок был сиротой. Все дети настойчиво подчеркивали, что непременно хотят возвратиться домой, чтобы жить вместе со своими родителями и сообща строить новое будущее. В этом нет никакого противоречия, когда все они выражали надежду о регулярном возвращении в Германию, чтобы и дальше наблюдать и учиться у немцев тому, как у них все это получается. И все это связывалось с единственной целью, чтобы все лучшее из Германии попытаться реализовать у себя дома.

Высказывания родителей этих детей также не свидетельствуют о том, что их дети в результате пребывания в Германии пережили "культурный шок". Об этом говорят следующие ответы:

• *"Знаете, когда мы тогда отпустили наших внуков в Германию, дедушка плакал: "Не делайте этого! Немцам нельзя доверять. Разве вы уже забыли прошлое? Мы долго думали, но положение было крайне тяжелым. Наши дети были больны. Какой у нас был выбор? Какому уж особому риску мы подвергались? Мы хотели жить...!"*

Тогда мы решили крестных в Германии. Наш дедушка теперь говорит: "Немцам все же можно доверять. Я хочу, чтобы теперь они приехали к нам, в наш дом". И видите, они теперь здесь, наши крестные или наши принимающие родители из Германии. Мы очень счастливы, мы произнесли тост за дружбу: мы бы хотели, чтобы эта дружба не прекращалась".

крестных в Германии. Наш дедушка теперь говорит: "Немцам все же можно доверять. Я хочу, чтобы теперь они приехали к нам, в наш дом". И видите, они теперь здесь, наши крестные или наши принимающие родители из Германии. Мы очень счастливы, мы произнесли тост за дружбу: мы бы хотели, чтобы эта дружба не прекращалась".

· "Мы должны бороться за то, чтобы наши дети могли снова поехать в Германию. Я должен сказать Вам, почему это так важно. Здесь три причины:

во-первых: наши дети возвращаются совсем другими, нежели когда они уезжали. Они не только физически отдохнули, они психически здоровы. Они веселы, мужественны. Они строят новые планы, у них есть цели. Они хотят бороться.

во-вторых: они знакомятся с совершенно иной культурой, иным языком, иными культурными памятниками, иными обычаями. Они начинают более критически задумываться над тем, что происходит в нашей стране.

в-третьих: потому что они видят, что в мире существует и другая жизнь. Поэтому они начинают снова верить в нее. Это придает им силы в борьбе за нее. Это в первую очередь означает желание учиться, брать на себя обязательства, кончать с апатией".

• "Знаете, сейчас у нас большая проблема, все дети хотят стать бизнесменами, то есть, что-то купить, чтобы потом подороже продать. Они совершенно не видят никакого смысла в учебе, потому что после окончания любой учебы их ждет только плохо оплачиваемое рабочее место. Многие безработны. Нет смысла стремиться к чему-либо, учиться. Правда, иное дело, если увидишь, как это у других, поймешь и испытаешь на собственном опыте, что это означает: "Ты сможешь сам что-то

сделать..!" " Ты что-то значишь.. !" "Ты можешь что-то изменить.. !" Но для этого нужны мужество и сила. Я думаю, что дружба с немцами — это как бы аккумулятор. Дети ездят в Германию, подзаряжаются, возвращаются домой и живут до следующей поездки надеждой на то, что смогут снова приехать. Им совсем не нужно оставаться. Они должны только иметь возможность подзарядиться, чтобы не отказаться от борьбы во всей этой нашей безнадежности."

- "Знаете, что является самым страшным? Самым страшным в жизни является сознание того, что ты забыт. Все мы тут в Чернобыле ощущаем себя забытыми. К этому добавляется еще чувство покинутости, даже собственными друзьями, которые, как Вы знаете, были переселены из пораженных радиацией районов. Мы, оставшиеся здесь, чувствуем себя покинутыми, почти заживо погребенными

Понимаете теперь, почему нам так необходима надежда. Поездка за рубеж — это как бы зажженный там свет, который освещает темноту после возвращения"

- "Мой ребенок без помощи, оказанной ему в Германии, не выжил бы, он умер бы... по крайней мере он ослеп бы. Но немецкие "родители" подарили мне вновь не только моего ребенка, они подарили вновь мне — нам — также и веру в совместное будущее и в немцев.

И хотя все здесь так безнадежно и неопределенно, мой муж и я, мы снова можем надеяться. У нас есть силы и доверие, чтобы, несмотря ни на что, продолжать бороться и участвовать в изменениях, происходящих в стране, даже если мы и

безработны. Немцы поддержали нас и нашу семью. Теперь у нас есть и фантазия, и силы, и время, чтобы участвовать в изменениях, исходящих от гражданских инициатив..."

- "Знаете, это, конечно, было бы прекрасно, если бы наши дети могли проводить отпуск здесь, у нас, в собственной стране. Они были бы совсем близко от нас, и родители не боялись бы, что они уехали так далеко за границу. Но с другой стороны я все-таки вижу, к чему приводит отдых в наших собственных санаториях. Конечно, у них есть почти все. Говорят даже, что у них здоровая пища, сон и здоровый воздух. Они могли бы играть в лесу, собирать грибы, но поймите, при этом отсутствует самое важное: Они возвращаются такими же, как уехали. Они возвращаются без представления об иной жизни. Они возвращаются без надежды на будущее. Совершенно такими же, какими уехали. Это нам не поможет. Поэтому они должны ездить за границу, понимаете?"

- "Да, Вы правы, возвращение было тогда очень тяжелым. Вы спрашиваете, пережила ли я "культурный шок"? Нет, никакого "культурного шока", но я была опечалена, сильно опечалена. Тогда я сопровождала в Германию своего больного сына. Когда мы возвратились я помню это совершенно точно — я тогда проплакала трое суток. Я была, так опечалена, так беспомощна, не могла ни пить, ни спать. Я не могла даже разговаривать. Но все это поняли. Муж мой ни о чем не спрашивал, он оставил меня в покое. Я не знаю, как и почему это случилось, но случилось это само собой. Я начала, а муж мой помогал мне при

этом. Я стала рассказывать, есть, пить, снова выходить на улицу. Но что-то изменилось! Это было странно. Жизнь шла своим чередом. Но тем не менее случилось что-то такое, чего раньше не было, что-то необыкновенное:

Везде, где бы я ни была, я видела отчетливо картину... нет, много картин, очень много. Я могла бы даже теперь нарисовать каждого человека, каждую улицу, каждое село, каждый магазин, каждую встречу, все то, что я видела, пережила, слышала — так точно все это запечатлелось в моей душе. Это заполнило все мое нутро. Эти картины я ношу в своей душе словно мечту. . . Знаете, я думаю, что могу теперь сказать: из слез родилась мечта, за осуществление которой я хотела бы бороться здесь в Беларуси!

Темнота, правда, ежедневно еще присутствует здесь, но она изменилась. Я вижу свет в ней — свет моих картин. Это освещает действительность. Из моих слез родилась сила, сила мечты о том чтобы сообща построить в Беларуси новую действительность. И я, и мой сын, и мой муж — мы боремся сейчас здесь и замечаем, как заражаем других".

Эти высказывания вынуждают нас поставить вопрос о причинах и мотивах, приведших к появлению тезиса о "культурном шоке".

Давайте обратимся к **фактам**: правительство пыталось как можно дольше хранить завесу умолчания горькой правды. Именно за граница, прежде всего шведы и норвежцы, были теми, кто обратил внимание на взрыв и придали ему общественную значимость. Когда я, четыре года спустя, весной 1990 г. впервые приехала в тогдашний Советский Союз, я в состоянии полной растерянности многократно констатировала, что пострадавшие матери, дети, семьи абсолютно ничего не знали

о масштабах катастрофы, не говоря уже о болезнях своих детей в связи с аварией на реакторе. В нескольких больницах я отважилась взять интервью у семей больных, тяжело больных и умирающих детей. Результат поразил меня. Даже перед лицом беды, рядом с ребенком, лежащим в кроватке в реанимационном отделении и в целях облегчения ужасных мук получающим обезболивающие уколы, даже при виде умирающего ребенка реакция оставалась неизменной: о связи между аварией на реакторе и болезнью родители не говорили и даже не смели думать об этом. Они постоянно повторяли, что хорошо помнят то, что тогда случилось, но ... и правительство, и пресса, и врачи постоянно подчеркивали, что *"к этому"* это не имеет никакого отношения. Все пострадавшие еще не были в состоянии вместо слова *"это"* мужественно, честно и ясно использовать понятие *"чернобыльская катастрофа"* v. тем самым признать ее, изменяя свое отношение к ней, оказывая ей сопротивление и преодолевая ее.

Проведенный в рамках моего исследования опрос 229 белорусских и украинских семей показал, что подавляющее большинство (76 процентов) не получило достаточной информации о последствиях катастрофы. *Уровень осведомленности* в настоящее время *находит отражение* в уровне образования опрошенных. Дифференцированные ответы на эти вопросы смогли дать прежде всего врачи, ветеринары, учителя, специалисты сельского хозяйства, медицинские сестры, инженеры, библиотекари и т.д. 11 процентов опрошенных вообще оказались не в состоянии ответить на вопросы. *Ответственность* за низкий уровень

информированности только 15 процентов опрошенных возлагают на *государственные органы*. 2 процента опрошенных обвиняли в этом *ответственных ученых*. 11 процентов даже считали, что *ученые*, правда, располагали достаточной информацией, но *не имели права распространять ее*. 4 процента считали, что *не было достаточно информационных структур*. Тяжелый удар моему исследованию был нанесен таинственной кражей видеопленок, на которых были зафиксированы высказывания пострадавших. Я надеялась позже опубликовать их в Федеративной Республике Германия. Бросается в глаза тот факт, что эти подлинные документы содержали как раз те интервью с родителями тяжело больных или умирающих детей, в которых пострадавшим была доведена до сознания связь между катастрофой и болезнью.

Сохранилась лишь одна запись, которая передавалась по белорусскому телевидению. Все призывы в печати, приведенные, кстати, в следующей газетной иллюстрации, остались безрезультатными; правда, сама папка была найдена в парке, но в ней не было важнейших документов, а именно — видеопленок.

К счастью, я имела возможность показать эти видеопленки незадолго до этого премьер-министру Нижней Саксонии и его супруге, курирующей нижнесаксонский ФОНД "ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ".

Для информационной политики бывшего СССР характерны следующие факты:

— лишь четыре года *спустя* — в 1990 году — в результате нелегальной выставки в Минском университете пробудилось общественное сознание белорусского населения;

Ценные Чернобыльские документы исчезли: президент ЮНЕСКО в отчаянии

**Печальные дети сидят на
больничных койках. Без
волос, истощенные тела.
Чернобыльские дети,
обреченные на смерть от
радиоактивного облучения.**

Потрясающие до
глубины души
картины, которые
для ЮНЕСКО
засняла профессор
педагогика д-р
Эрика Шухардт



В надежде, что
находка в честных
руках: профессор
Эрика Шухардт

(52 г.) из
Ганновера. Теперь
вице-президент
немецкого
отделения
ЮНЕСКО
обеспокоена
утратой нев-
озместимых
документов:
Пленки у вора!
Два видеофильма,
данные, интервью,
адреса - все доку-
менты были в
моем бордово-
красном портфеле.
А он исчез, -
говорит она в
отчаянии. поедет

в Чернобыль. В
обед профессор
Шухардт еще
показывала видео-
пленки Хильтруде
Шредер, жене
премьер-министра,
которая в
понедельник Затем
профессор делала
доклад в обители
св. Генриетты,
отдала портфель
сестре-монашке в
монастыре. Та
ненадолго вышла
из своей комнаты.
Тут вор и ухватил
его. Госпожа
Шухардт надеется,
что нашедший
находку объявится
(тел.: 88 47 02 или
51 06-151). "Я
заплачу 500 марок
и не заявлю и
полицию. Главное,
я получу
документы назад".

Bild-Zeitung от 25
ноября 1993 г.

— лишь пять лет *случая*- в 1991 году — ввиду растущего числа нарушений многие врачи из сильно зараженных регионов освободились от обязанности молчания и отважились указать на связь между общим увеличением количества тяжелых заболеваний и катастрофой в Чернобыле;

— лишь шесть лет *случая*- в 1992 году — конгрессы в Минске, в самой Беларуси, обратились к данной тематике: сначала гражданская инициатива фонда "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ" под названием "*Шесть лет случая*" и вскоре после этого параллельный государственный конгресс "*К ситуации после Чернобыля*".

Таким образом, пострадавшие люди в окрестностях Чернобыля медленно и постепенно узнали, что более 70 процентов *радиоактивного выброса* в Чернобыле выпали на территорию собственной страны и более трети общей площади их страны подверглось интенсивному радиоактивному облучению. И только теперь они должны были также узнать, что их население вынуждено было продолжать жить в сильно зараженных регионах и что 500 тыс. детей подвержены величайшей опасности. И еще не родившиеся и даже еще не зачатые дети уже сейчас несут на себе каинову печать опасности телесных пороков, болезней, уродств или ранней смерти. Насколько глубоко это каиново клеймо проникло не только в тело и душу, но и во все социальное общежитие, доказывают два белорусских телерепортера, а также случай, имевший место в Германии в 1995 г.:

- Одна из учениц девятого класса, переселенная с зараженной территории под Минском, на вопрос репортера о ее проблемах в новых условиях ответила следующее:

" . . мы не говорим нашим мальчикам, откуда мы приехали. . . иначе просто никто не станет с "такой" "ходить", не говоря уже о том, чтобы

"серьезно дружить"... Они думают, что мы заразим их при поцелуе... и, конечно, позднее родим уродов".

- В телерепортаже из Верхнедвинска на границе с Латвией рассказывалось о том, что местные родители запретили своим детям играть со своими сверстниками из радиоактивно зараженных регионов. Дело дошло до драки. Недовольство выразилось в следующих словах: *"Они заразят радиоактивностью наших здоровых детей. Мы не хотим в школе сидеть за одной партией с ними!"*

- Но и в Германии трудно предотвратить проявление такого непонятного поведения. В одной из деревень неподалеку от Гёттингена, принимавшей активное участие в реализации Программы отдыха Чернобыльских детей, была отменена запланированная молодежная встреча под девизом международного взаимопонимания между немецкой и французской молодежью. *Обоснование: "Страх заразиться радиоактивностью от белорусских детей настолько велик, что мы хотим избежать любой встречи".*

озтому неудивительно, что на фоне этих событий 3 апреля 1994 г. переживала как "звездный час" белорусский истории, а именно, когда тогдашний министр иностранных дел республики Беларусь ПЕТР КРАВЧЕНКО в своей речи по поводу открытия белорусского посольства в Бонне не только признал связь между катастрофой и болезнями, но также и опубликовал цифровой материал об этом (сомнения в данных, высказанные по политическим соображениям, не могут здесь обсуждаться).

Министр иностранных дел признал, что частота заболевания раком в Беларуси растет, иммунитет снижается и что общее состояние здоровья детей, страдающих от Чернобыльской катастрофы, продолжает ухудшаться. По его данным, большой рост числа заболеваний щитовидной железы началось в

1990 г., причем наибольшая заболеваемость отмечается у детей из Гомельской области. Если в годы до аварии у детей были зарегистрированы только отдельные случаи таких онкологических заболеваний, то с 1986 г. по 1992 г. раком щитовидной железы заболело 172 ребенка в возрасте моложе 14 лет. КРАВЧЕНКО опирался на данные белорусских ученых, согласно которым с высокой степенью вероятности в последующие после катастрофы пятьдесят лет следует ожидать до 7450 случаев детской лейкемии, т. е. 150 новых заболеваний в год. Министр иностранных дел указал в своей речи на то, что количество случаев новых заболеваний раком в рамках всей республики у мужчин возросло на 28,8 процента, а у женщин на 22,7 процента. Участились также случаи врожденных уродств у родившихся после катастрофы.

Ввиду этого неожиданного признания министра иностранных дел перед общественностью я во время этого торжественного акта спонтанно заявила следующее:

"Открытие первого белорусского посольства и замечательную речь министра иностранных дел я рассматриваю как знак нового исторического начала. Впервые в истории после Чернобыля перед общественностью публикуются правдивые цифры. Это кажется мне исторической; вехой, я не могу припомнить, чтобы во время моего неоднократного пребывания в Беларуси и Украине я когда-нибудь получала такой цифровой материал, который служил бы делу признания масштабов Чернобыльской катастрофы и открывал новые шаги в будущее. Почти восемь лет спустя после аварии на реакторе я открываю для себя новую эпоху правдивости. Но правдивость есть ключ, чтобы сообща найти выход из опасной ситуации". Между тем новый президент АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО, бывший солдат пограничных войск КГБ и руководитель совхоза, оценивает события удивительным образом совершенно по-новому, но в

старом стиле. По поводу своего визита в радиоактивно зараженные Могилевскую и Гомельскую области он говорил о так называемой "эйфории переселения", о "раздувании опасности" и о том, что государства Европейского Союза из-за своекорыстия в средствах массовой информации преувеличивают "якобы" существующую опасность взрыва Чернобыльской атомной электростанции. Высказывания президента ЛУКАШЕНКО: *"10 лет спустя дождь очистил грунтовые воды, все жители деревень могут и дальше жить в своих родных деревнях... никто не имеет права запретить им это"*, следует рассматривать в том смысле, что денег на проведение мероприятий по переселению нет.

Профессор ФРАНК ГОЛЬЧЕВСКИ из Гамбургского университета, наблюдатель во время проведения парламентских выборов в Беларуси, недавно еще раз указал на то, что ЛУКАШЕНКО все еще оспаривает необходимость переселения людей из радиоактивно зараженных регионов на том основании, что в этих областях *"ведь ничего не видно"* (ср. *"Франкфуртер Алльгемайне Цайтунг"* от 22 августа 1995 г.). Это означает отказ от деловой дискуссии о последствиях смертельного облучения и замену ее презирующим человека цинизмом. Особое беспокойство вызывает в этой связи тот факт, что ЛУКАШЕНКО в результате проведенного совместно с последними парламентскими выборами референдума обеспечил себе широкие полномочия в отношении роспуска парламента, характерные для диктаторской президентской системы. Кроме того, он считается защитником идей тесной привязки к Российской Федерации и относится к Западу с большой долей скепсиса. Опыт, который приобретают за границей пострадавшие от Чернобыля дети, конечно же, не всегда приемлем для такой политики. Это подтверждается высказываниями родителей, у

которых я брала интервью:

- "Представьте себе: наши дети вернулись и рассказали, что в Германии вообще нет заборов, там только "живые изгороди". Они постоянно спрашивали, почему же здесь везде заборы? Почему мы здесь всегда натываемся на доски? Почему мы не снесем заборы? Понимаете!? И речь идет не только о деревянных заборах, но и о заборах в мозгах, понимаете? Вы должны помочь нам снести эти заборы в мозгах с тем, чтобы наше новое мышление выходило за пределы колхоза, района. Да, тогда я смогу представить себе, что Европа может действительно ожить".

Дети — посланцы Чернобыля —

Почему я упомянула эти факты? Если представить себе, что одновременно с процессом восьмилетнего политического замалчивания началась всемирная акция, означавшая информацию, новое начало, общественную революцию, тогда станет ясно, какие новые опасности грозят извне Беларуси и Украине. Молниеносно распространилась весть о маленьких девочке и мальчике, которые, нуждаясь в отдыхе, бледные и тяжело больные, искали за границей семью, которая бы их приняла, выходила, обеспечила им лечение и вернула "здоровыми" в свои семьи. Эйфория по поводу подобных акций, как известно, непродолжительна. Ракетой она взмывает в небо и умирает, когда интерес общественности переключается на другие акции, например, на Руанду или Боснию-Герцеговину.

Но произошло нечто, на что никто не рассчитывал: люди ожидали "больных" детей, а вместо этого приехали — для многих неожиданно — в физическом отношении больные, но в социально-психологическом "здоровые" дети. Все яснее становилось, что:

так называемые "больные", нуждающиеся в отдыхе, дети из Чернобыля приезжали как "здоровые", единственные в своем роде посланцы своих стран, Беларуси и Украины.

Это можно пояснить примерами, описанными немецкими "родителями":

• *"Знаете, я никогда не был таким довольным, как сейчас. С тех пор как у меня есть мой Антон, мой — как Вы говорите — чернобыльский крестник, -все материальное, игравшее до этого в моей жизни большую роль, стало неважным. Я вдруг ощутил ответственность, у меня теперь есть задача, я вижу теперь новый смысл в жизни. Сначала я только давал деньги, 30 марок в месяц, для моего "крестника", затем я поехал туда. Он инвалид. Я начал ремонтировать его комнату, все необходимое для этого я взял с собой. Он наблюдал за работой, потом мы работали вместе. Рабочий инструмент я оставил там. Потом мы праздновали.*

Теперь я поехал туда во второй раз. Он как-то отвел меня в сторону и помахал переводчику. Потом он сказал мне: "У меня нет больше отца, теперь ты — мой отец. "Вы знаете, что это означает..?"

В следующем году я снова поеду туда. Мне хотелось бы еще раз испытать это. Знаете, жизнь моя изменилась. Раньше я хотел помогать деньгами, а теперь у меня появились друзья. Как только у меня заканчивается ночное дежурство — я ночной сторож, — тогда для меня начинается настоящая работа. Я работаю в

Чернобыльской инициативе. Собираю одежду, приборы. Все, что направляется в детский дом, служит реализации нашего проекта "секонд хенд шоп". Это небольшая частичка социально ориентированной рыночной экономики. В этом моя жизнь, и я счастлив. У меня так много планов."

· "У нас это случилось совершенно неожиданно. Мы услышали об отце с двухгодовалой дочкой, которая должна была приехать в Германию, чтобы спасти свой единственный зрячий глаз. Необходимо было пристанище. И вот мы изъявили желание. У нас четверо детей, они теперь взрослые. У нас было место. Как только Лена приехала, она была немедленно прооперирована. Врачи сказали, если бы она приехала на несколько дней позже, то она потеряла бы и этот глаз. А потом было Рождество. У нее был новый стеклянный глаз. Она смеялась, когда увидела свечи. Я вдруг понял, что это значит: "Рождество" или "Христос с Вами" или "Он среди вас, потому что он — любовь". Все мои дети отказались от рождественских подарков, у нас был только небольшой символический подарок, но чувствовали мы себя щедро одаренными. У нас еще никогда этого не было: человеку снова подарили зрение, и ребенок со своим отцом стали новыми членами нашей семьи. Было странно, что отец всего этого просто не мог понять. Он постоянно спрашивал, кивая головой: "Почему Вы делаете это?" И тут я рассказал ему о нашей обеспокоенности судьбой моей сестры, которая, заболев раком, все еще живет среди нас и только потому, что, зная о своей приближающейся смерти, пытается придать своей жизни смысл, она хочет жить, потому и живет еще. Я потому и счастлив, что хочу, чтобы Лена жила. И тогда он все понял.

Позже приезжала в Германию его жена, сопровождая Пену. Сейчас Пене шесть лет. В настоящее время она через каждые восемь месяцев должна проходить обследование. Но, Вы понимаете, мы стали тем временем большой семьей."

Тем самым снова подтверждается мой тезис, высказанный в других работах:

— Есть заразительное "здоровье" так называемых больных людей и прогрессирующая "болезнь" так называемых здоровых людей.

Первоначально запланированные мероприятия по оздоровлению превратились в "кирпичики" мира, реализующие права человека. Никто это не придумал и не запланировал, это просто случилось. Родилось движение снизу, от Чернобыльского ребенка к "брату" или "сестре" в Германии, от чернобыльской семьи к принимающей немецкой семье. Типично в этом отношении следующее высказывание немецких "родителей:

· "Честно говоря, визит к нашим чернобыльским детям мы сами себе подарили к "золотой свадьбе" (жена — 81 год, муж — 73 года). Когда мы тогда отреагировали на призыв в газете под девизом "Ищем принимающих родителей в Германии", мы еще не знали, сможем ли мы взять на себя ответственность, принимая в нашем возрасте детей. А потом мы просто сделали это. У нас семеро внуков и восемь детей И как все это хорошо получилось и как у нас все изменилось благодаря детям из Чернобыля, видно уже по тому, как к нам в дом прибегали наши внуки и спрашивали: "Где русские дети, нам хочется поиграть с ними? Когда русские дети приедут еще раз?"

Но Вы не можете себе представить, как изменились и оба наших Чернобыльских ребенка. Робкие, пугливые и молчаливые вначале с каждым днем они становились все веселее, непринужденнее и доверчивее. Один из них мочился в кровать. Когда я тепло обняла ее (это была девочка), и ни в чем не упрекнула — она хотела все вещи тайком высушить на батарее, — она перестала бояться и обрела мужество. Знаете, тогда мы сказали себе: никакого бриллиантового кольца к "золотой свадьбе" — кому завещать его при восьмерых детях? И никаких подарков. Подарки друзей превратились в расходы на поездку, которые мы должны бы нести сами, чтобы дети смогли еще раз приехать. Вы же знаете, когда приглашаешь ребенка во второй раз, то нужно заплатить за авиабилет 300 марок с тем, чтобы все было по справедливости, чтобы и другие Чернобыльские дети получали шанс. Мы сейчас собрали с помощью друзей 3200 марок и можем пригласить к себе домой почти 11 детей из Чернобыля. Знаете, теперь и наши дети начинают принимать Чернобыльских детей.

Самое прекрасное — это радость детей. Это почти так же, как если бы вдруг засохший цветок расправился и стал бы перед вами во всем своем великолепии. Такими вернулись дети в свои семьи, и теперь я хочу - я имею ввиду мы оба, мой муж и я — увидеть, заразительна ли эта радость и для семьи этих детей." Мосты мира переброшены между Гомелем, Могилевом, Бельничанами, Киевом, Минском и всеми уголками Германии, включая новые и старые федеральные земли; между гражданскими инициативами в странах СНГ и инициативами в Германии. Если попытаться определить количество маленьких посланцев, то оно огромно.

Я хотела бы пояснить это на примере белорусской демократической гражданской инициативы: Минский фонд "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ" только за прошлые годы направил за границу в Германию 70 тыс. маленьких посланцев, Чернобыльских детей из сильно зараженных регионов Беларуси. При этом в это число не входят все те дети, которые были направлены в страны Европы другими гражданскими инициативами или государством. Эффект от маленьких посланцев Чернобыля напоминает камень, брошенный в воду. Куда бы они ни приезжали, везде они приводили что-то в движение. Все это начиналось с "братьев" и "сестер" в принимающих немецких семьях, а затем с немецких "родителей" и, наконец, с дружащих с ними семей, коллег по работе, соседей и продолжалось врачами, медицинскими сестрами, лечившими их, и, не в последнюю очередь, политиками, которые должны были на местах бороться за выделение денежных средств. Но образ детей оставался в Германии подобно камню, брошенному в воду, вокруг которого расходятся водяные круги. Конкретно это означает: нужно искать новые пути, идти ими и выдержать их до конца. И теперь вода не может больше течь по старому речному руслу, а должна прокладывать себе новые пути вокруг камня и научиться жить с ним.

Когда я спросила девятилетнюю Анну из Германии, что означает для нее Чернобыль, она спонтанно ответила:

"Вы спрашиваете, что для меня означает Чернобыль? Чернобыль для меня — это ТАТЬЯНА а ТАТЬЯНА означает для меня Чернобыль. ТАТЬЯНА и я, мы теперь неразлучны, как цвета, радуги".

Безмолвная революция — голоса из огненной печи

Когда я говорю о революции детей Чернобыля, то не имею ввиду переворот существующей политической системы в историко-политическом смысле. Этим понятием я пытаюсь, однако, показать, какое огромное воздействие оказывает на наши мысли и чувства приезд детей. Перед лицом этих детей рушатся традиционные образцы отношений Запада и Востока, и наоборот. Вне политических контактов возникают узы человеческого участия, которые, ввиду их эмоционального содержания более весомы, нежели любой договор. И так как воспоминания об ужасах мировой войны в Украине и в Беларуси еще живы и мешают любой попытке сближения с немецкой стороны, то созданные Чернобыльскими детьми мосты таят в себе возможность прочного примирения. В одной из семей мысль о мирной революции была ярко высказана следующими словами:

- *"Мы творим революцию благодаря нашим детям из Чернобыля. Мы представляем собой живой, созданный людьми мост между Востоком и Западом. Мы неразлучны."*

А одна беларусская учительница, которую я встретила в Беларуси вместе с немецкими "родителями", сказала мне:

- *"Поэтому я буду завтра говорить перед "немецкими" родителями. Мне еще никогда не приходилось выступать перед четырьмя сотнями людей. Но я им расскажу, что означают для нас принимающие "родители" из Германии и других стран. И речь как раз идет не о материальной*

стороне дела, не об одежде, еде, игрушках... нет, а о них самих, ставших для нас братьями и сестрами. Мы воспринимаем это как цепочку мира. Знаете, как тогда в Эстонии, по которой прошла человеческая цепь. Помните, тогда, когда еще не было объединения государств в СНГ. Тогда, когда Литва, Латвия и Эстония вместе образовали человеческую цепь. Точно так же мы сегодня воспринимаем цепочку из Чернобыльских детей, из немецких принимающих "родителей" и из здешних белорусских родителей. Вот в чем дело: на этот раз это не цепи, стискивающие нас как железо, а жемчужное ожерелье из слез надежды. Слезы — это избавление, иначе можно задохнуться ими; а так они становятся новым языком."

Это вселяет мужество, когда видишь, что встреча с Чернобыльскими детьми не приводит к унынию и разочарованности, а наоборот, пробуждает у всех участников желание сохранить взаимные связи и расширить их. Из 188 немецких "родителей", у которых я взяла интервью в рамках своего исследования, 53 процентам удалось пробудить готовность среди друзей, коллег, родных и знакомых так же принять по ребенку при очередной акции. За исключением трех семейных пар все немецкие "родители" заявили о своей готовности снова принять ребенка. 79 процентов опрошенных проявили желание посетить семьи детей на их родине в Беларуси. 2 процента семейных пар по этой причине захотели даже изучать русский язык. Встречный визит немецких "братьев" и "сестер", которых я сопровождала в Беларусь вместе с их родителями, также произвел переосмысление, которое в будущем принесет плоды. Когда я спросила их об их впечатлениях, то немецкие дети и подростки ответили:

· "Я теперь стал намного больше удовлетворенным нашей жизнью здесь, в Германии, потому что знаю,

что многие люди живут намного хуже. Это касается и моей личной жизни. Это правда, что мы в нашей семье намного больше говорим о детях из России. Мы открываем для себя то, что мы до сих пор, собственно, о России говорили только плохо. Сейчас мы подумываем о том, как привнести наш новый образ России в круг наших друзей. Да, я много говорю со своими друзьями о "наших Чернобыльских детях". Я непременно хочу изучать русский язык, чтобы объяснить детям в Чернобыле, что у нас здесь в Германии тоже существуют проблемы, например, безработица, и что здесь тоже не все падает с неба. Этот обмен должен стать более интенсивным, а для этого мы тоже должны изучать языки. Мы должны также со своими одноклассниками говорить о том, чтобы они, с одной стороны, принимали у себя дома Чернобыльских детей и, с другой стороны, сами ездили в Россию.

Иногда я думаю, что все это как во времена Коперника: тогда думали, что земля плоская, а теперь все знают, что она — круглая. Принято было думать, что земля — это Европа. И лишь теперь я знаю, что Восток — это тоже Европа. Это очень изменило мое мышление, мое мировоззрение и мое критическое отношение к Германии. Я стал более благодарным, не то чтобы менее критичным, но, может быть, более сдержанным..."

· "У меня такое чувство, будто я впервые открыл для себя восточную часть Европы. Теперь я вижу ее не как государство с пожилыми господами в военной форме — как его можно было постоянно видеть в средствах массовой информации, — а как территорию с семьями точно так, как у нас, у которых частично те же заботы и проблемы, как и у нас. Они такие же, как и каждый из нас. И это делает нас друзьями. И прежде всего, нас ничто больше не может разделить: мы неразлучны."

· *"Беларусь стала мне намного ближе. Я многое узнал. Катастрофа на реакторе с ее последствиями для меня больше не является одной из многих катастроф, так как мы очень жизненно близко испытали эти последствия, живя бок о бок с нашими чернобыльскими братьями и сестрами. Таким образом мы смогли это непосредственно прочувствовать, напр., как сегодня в этих районах приходится преодолевать эти последствия: они поражены раком, они умирают; они больны! Представьте себе только, создавая семью, вступая в брак, они уже знают, что их ребенок, может быть, родится больным! Что можем сделать мы? Не можем же мы спокойно смотреть на это! В любом случае мы должны стоять друг за друга."*

· *"Между нами началась интенсивная переписка. Сначала нам письма переводили, а теперь я стала изучать русский язык в "народном университете". Вся наша семья изучает русский, и мы пытаемся даже за столом говорить по-русски. Разве это не Европа?"*

Мирная революция детей Чернобыля изменила действительность. Чтобы представить себе масштабы движения и понять, какую силу между тем приобрел этот лавинообразный поток, следует попытаться представить себе следующее: 70 тыс. детей из Чернобыля, сюда же относятся около 70 тыс. принимающих "родителей" — "отцов и матерей" в Германии; и в каждой семье по двое-трое детей, по меньшей мере 70 тыс. семей друзей, кроме того неисчислимое количество соседей, медиков, педагогов, политиков и, наконец, 70 тыс. собственных семей детей из Чернобыльской зоны в Беларуси и на Украине. Становится понятным, что авария на Чернобыльском реакторе постепенно приводит население обеих стран к переосмыслению. Но как раз

в отношении этого процесса у правительства Беларуси и Украины имеются предубеждения, если не сказать страхи. Революцию детей Чернобыля уже не остановить, она способствует переосмыслению как в странах СНГ, так и в Федеративной Республике Германия. Это действует настолько угрожающе, что наш мыслительный аппарат, в совершенстве оснащенный

и это касается в равной степени как Востока, так и Запада — вынужден использовать все, чтобы остановить это движение. Как это происходит? Мы мобилизуем защитные механизмы. Одним из этих защитных механизмов является рождение такой идеи как тезис о "культурном шоке".

Чтобы выступить против этого фантома, мне хотелось бы наряду с уже цитированными ответами, полученными мною во время интервью, сослаться на некоторые результаты опроса 229 белорусских родителей:

— Более 90 процентов опрошенных оценивают заграничную поездку своих детей положительно.

— Только 1 процент опрошенных считал, что эта поездка не принесла ничего хорошего.

Названы были следующие позитивные моменты:

— около 75 процентов опрошенных назвало на первом месте *отдых* и *оздоровление*, а также *медицинское обеспечение* в Германии.

— Более 50 процентов родителей *отметило улучшение состояния здоровья* своего ребенка после оздоровительной поездки.

— процентов опрошенных считало, что заграничная поездка внесла вклад в дело улучшения материального положения в семье.

— О процентов опрошенных в качестве положительного момента этих поездок отметило в первую очередь то, что дети приобрели *новых друзей*, *познакомились с чужой страной* и *получили много новых впечатлений*.

На вопрос, как они оценивают заграничную поездку, 96 процентов высказало мнение, что заграничная поездка представляла собой большую помощь. И только 1 процент оценил заграничную поездку как вредную. На вопрос, следует ли поощрять *проекты* как за границей, так и в *собственной стране*, более 2/3 опрошенных ответило "Да", и только 2 процента "Нет" — остальные воздержались при решении вопроса, следует ли, по их мнению, поощрять только *проекты в собственной стране*. На вопрос, следует ли поощрять *оздоровительные мероприятия* только в *собственной стране*, большинство опрошенных (более чем 2/3) дало однозначно отрицательный ответ — и только 10 процентов приветствовали бы поощрение проектов только в собственной стране.

Остается только задать вопрос: не существует ли в результате идеи о культурном шоке большая опасность того, что немецкий или какой-либо другой иностранный гражданин обретет вдвойне чистую совесть, с одной стороны, послушно следуя совету правительства об оказании материальной помощи детям в их *собственной стране*, а с другой, повышая свой социальный статус через квитанции о пожертвовании как свидетельства оказания материальной помощи. Тем самым будет восстановлен "мнимый" покой, но пострадавшие люди — истинные жертвы Чернобыля, будут снова заперты за невидимыми стенами Беларуси и Украины, забыты и покинуты.

Что было бы этим одновременно достигнуто, так это восстановление собственного покоя. Следует спросить, какой шок испытали немцы, когда принимали у себя Чернобыльских детей? Следует также спросить, какой культурный шок испытали немецкие "родители", когда впервые посетили своих Чернобыльских детей в их собственных семьях, живущих в деревянных домах или бетонных многоквартирных "скворечниках".

Не говоря уже о многолетнем шоке, испытываемым перед лицом нищеты, бедности и голода, русских просторов при встрече с давно забытыми событиями военного времени, при встрече с теневыми сторонами немецкой истории, одним из результатов которой было тотальное разрушение города Минска. Не говоря о шоке, испытываемом от того, что приходится сносить печаль и стыд перед лицом беларусских семей, стариков, бабушки, возможно когда-то изнасилованной одним из немцев.

Мать одного из Чернобыльских детей поведала мне о своих глубоко личных впечатлениях:

· "Если Вы хотите знать так точно, что тогда произошло, да, тогда я должна сознаться, что это так. У меня остались тяжелые и мрачные воспоминания о немцах. Я еще никогда не говорила об этом — ни со своими детьми, ни со своими внуками.

Вы же сами знаете, есть хорошие и плохие русские, точно так же, как и у Вас, немцев, бывают хорошие, а бывают и плохие люди... Да, это так, если Вы это хотите услышать. Целые десять лет я вскрикивала по ночам, потому что я вновь и вновь, каждую ночь превращалась в маленькую испуганную девочку. Мой отец был в Сибири, а мать была одна с нами, семью детьми. Потом пришли немцы, и я была одной из тех маленьких девочек, которых немецкие солдаты, держа за ноги... да, так оно и было... все вновь и вновь раскачивали угрожающе близко, прямо над огнем. Они не хотели нас сжечь, нет, никого из нас. Они просто хотели попугать нас, нас, детей и наших матерей... Вы можете себе представить, как страдала моя мать? Мой отец был расстрелян немцами... Да, так это было: десять долгих лет мне каждую ночь снился один и тот же страшный сон... Но теперь у меня нет больше ненависти... Нет, теперь все хорошо... Да, это хорошо, что Вы здесь...

Хорошо и то, что я, наконец, могу все это рассказать. . . Да, это хорошо, что Вы так внимательно слушаете и так расспрашиваете- Да, это хорошо (она безмолвно обнимает меня), текут слезы. Теперь осталась, действительно, только радость. Вы приехали. Вы действительно хотели услышать это. Можете ли Вы вообще выдержать все это? Я так рада (она встает, обнимает меня), что Вы здесь! И что после Чернобыля поездка наших детей и эта дружба возможны. Спасибо. Передайте нашу благодарность всем. Пожалуйста, спрашивайте еще и приезжайте вновь!"

Другой свидетель того ужасного ада рассказал мне:

• *"Я рад, что Вы меня об этом спрашиваете, я уже давно хотел поговорить с немцем о пережитом мною в то время. Тогда мне было пять лет. Немцы вторглись в наше село. Моего отца при попытке к бегству гранатой разорвало на куски. Моей матери "позволили" похоронить то, что от него осталось и было передано немцами. Мы — она и пятеро детей, младшему было три дня, — были отправлены в концлагерь в Германию. Это был ад... Лишь благодаря надзирателям концлагеря моя мать и мы, трое детей, выжили. Они рисковали ради нас всем, даже собственной жизнью-. Под раскладушкой вдруг появилась корзинка для младенца, кусок хлеба, молоко..."*

Куда бы я ни приехала, я везде встречала людей, которые имели мужество расплакаться, которые рассказывали о том — и дети и матери -что они после возвращения целыми днями горько плакали; которые признавались, что слезы были

единственным и, по моему мнению, самым недвусмысленным средством выражения их бессилия. Слезы, о которых они рассказывали, что трое суток спустя после преодоления траура они очнулись от глубокого оцепенения, чтобы, потрясенные в глубине души, пуститься снова в путь, взяться за настоящее и строить планы на будущее. Из преодоленной печали выросло мужество и взошел посев из слез. Сила их безмолвной мирной революции взрывает рамки привычного мышления. В этом — надежда на будущее, и не только для Беларуси и Украины, но также и для Германии на пути к объединенной Европе. Высказывание одного чернобыльского ребенка в связи с этим представляет собой послание, полное надежды:

- *"Когда я вырасту, то все будет наоборот. Я уже сейчас радуюсь тому, как немецкие семьи будут приезжать к нам".*

3. Ситуация сегодня

Жизнь после катастрофы — ожидание смерти

"Я вижу, как моя мать стоит передо мной, при слове "Чернобыль" с ее лица исчезает улыбка."

Письма из сильно зараженных регионов — словно горящие документы: к этому выводу пришла АЛЛА ЯРОШИНСКАЯ лауреат "альтернативной Нобелевской премии мира" и член президентского Совета Ельцина. С начала 90-х годов она на основании секретных документов обстоятельно занималась катастрофой и отношением к ней властей (АЛЛА ЯРОШИНСКАЯ "Секретный документ Чернобыль", Берлин, 1994, стр. 129) и одновременно поддерживала интенсивные контакты с пострадавшим населением. Ниже мы приведем цитаты из письма, направленного ей жителями из деревень Норинцы и Клочки Житомирской области:

· "Мы обращались во все инстанции. Но все остались безразличными к нашему горю, к судьбе наших детей. . . Эхо Чернобыльской трагедии все больше сказывается на здоровье наших детей. Мы все живем в 60 км от Чернобыля."

Сердце матери обливается кровью, глядя на них. В последнее время здоровье детей значительно ухудшилось- Исчезла жизнерадостность... А что ожидает тех, кто еще не родился?

Из 132 детей Норинцевской средней школы и 65 детей Латашовской средней школы было обследовано 42 ребенка. У 39 были обнаружены патологические отклонения. Для дальнейшего, более тщательного обследования эти дети были направлены в Республиканский институт радиационной защиты. Мы боимся пускать их на реку или в лес. Но как раз в этом и заключается детство человека. Только бюрократ способен делить зону на "чистую " и "грязную."

В этом потрясающем письме кроме того сообщается, что жители обследованной деревни за год накопили в своем организме 1,087 Rm . Чтобы понять сколько это, нужно знать, что человек, по профессиональным соображениям подвергающийся радиоактивному риску в течение всей своей жизни около 70 лет может получить около 35 . Пугает то, что ежегодное облучение в 1,087 Rm в Беларуси — это средняя цифра. Есть регионы, где облучение во много раз выше. В письме к АЛЛЕ ЯРОШИНСКОЙ родители указывают на то, что почти у всех детей было обнаружено увеличение щитовидной железы. Действительно, в Беларуси значительно увеличивается доля заболеваний щитовидной железы, в то время как у немецких детей это случается редко. Увеличение щитовидной железы — явный признак функционального ослабления иммунологических защитных механизмов, вызванного детскими клетками зубной железы, всей лимфатической системы и функции костного мозга.

Родина Чернобыль — Пораженные радиацией районы Беларуси и Украины



У многих детей увеличена печень а также участились случаи заболевания системы кровообращения. Вся озабоченность и отчаяние матерей нашли отражение в последнем абзаце письма:

• *"Поймите наше положение как матерей. Что мы скажем нашим детям через 5-10 лет, не говоря уже о внуках? Вполне может быть, что у нас и наших детей нет будущего "* (Там же, стр. 130)

Никакое официальное объяснение, никакой научный анализ не смогут представить так реалистически, так наглядно и потрясающе картину действительного положения.

Чернобыль — это незаконченная катастрофа, раскрывающая весь свой ужас в ретроспективе. Эта катастрофа продолжится и в будущем:

фатальность ее в том, что она создала вечный двигатель страха. Неисчислимые жертвы, которых еще потребует Чернобыль, сегодня еще не родились. *"Жить с катастрофой"* означает здесь бесконечно больше, чем примириться со случившимся несчастьем. Нужно постоянно настраиваться *на постоянно продолжающееся* несчастье, без надежды на принципиальное улучшение ситуации. Как верно заметил ХОРСТ ПЕТРИ, мы тем самым лишены возможности утешения. Оптимистический взгляд вперед уступает место страху перед тем, что нет будущего. Чернобыль — это катастрофа будущего!

Опрос 765 Чернобыльских детей, проведенный в рамках моего исследования, показал, какие представления у них связаны с понятием "Чернобыль". Почти у всех детей со словом "Чернобыль" связаны отчетливые воспоминания, ассоциации, картины ужасов или переживания.

Ответы детей на вопрос: *"О чем ты думаешь, когда слышишь о Чернобыле? Помнишь ли ты.. ."* приведены в восьмой главе.

Некоторые дети просто никак не могли понять того, что атомная электростанция *продолжает работать*. Для некоторых из них "Чернобыль" означал *медленную смерть*. Вот слова одного из них:

· *"Когда я слышу это слово, я непроизвольно думаю о том, сколько лет мне еще осталось, сколько я еще проживу."*

Четверо детей сказали, что находятся в состоянии такого отчаяния, что им не хочется жить дальше, когда им напоминают о Чернобыле.

Именно для детей ситуация особо опасна, так как у них иммунологические силы должны еще только научиться распознавать потенциально вредные влияния на организм, исходящие от возбудителей инфекций, и тренировать свои защитные силы. В результате ежедневного воздействия облучения эти системы ослабляются или недостаточно развиваются. Как уже выше было упомянуто, у белорусских и украинских детей отмечается прежде всего увеличение случаев заболевания раком щитовидной железы. Крайний недостаток йода перед катастрофой привел к тому, что щитовидные железы детей буквально "всосали" в себя радиоактивный изотоп йода 131, выброшенный во время катастрофы (ср. *"Ди Цайт"* от 19 мая 1995 г.). У более чем 30 процентов детей в Беларуси отмечаются сегодня отклонения в функциях щитовидной железы. С 1979 г. по 1986 г. в Беларуси было зафиксировано только три случая заболевания раком щитовидной железы. А в период с 1986 г. по октябрь 1994 г. было зарегистрировано 310 случаев. При этом следует учесть, что более 30 процентов заболеваний раком щитовидной железы у детей сопровождаются метастазами в лимфатических узлах, легких и других органах. И прежде всего в сильно зараженных регионах на юго-западе Беларуси отмечается

резкое увеличение случаев таких онкологических заболеваний. По данным Института радиологической медицины Республики Беларусь в настоящее время около двух миллионов пострадавших граждан, среди них около 500 тыс. детей, охвачено медицинским контролем здоровья. Среди них находятся:

— 66 тыс. ликвидаторов;

— свыше 12 тыс. человек, эвакуированных из тридцатикилометровой зоны вокруг Чернобыльского атомного реактора;

— около 83 тыс. человек из зоны первоочередного и второго по очередности выселения или еще проживающих в этих зонах;

— свыше 10 тыс. детей, которые родились от вышеназванных групп населения;

— свыше 1,8 миллиона человек, живущих в зонах, получивших право на переселение и подлежащих регулярным радиологическим замерам.

У приведенных групп лиц отмечалось общее повышение числа заболеваний. Хронические заболевания и высокие факторы риска для дальнейшего развития состояния здоровья были обнаружены у 71,1 процента взрослых и у 70 процентов обследованных детей. Увеличилось количество заболеваний органов пищеварения, главным образом ввиду хронических гастритов и гастродуоденитов. В 1993 г. число таких заболеваний в пострадавших районах выросло в 1,4 раза, а в 1994 г. — в 1,6 раза. Частота заболеваний нервной системы и системы кровообращения повысилась у лиц, подлежащих регулярному контролю, в 1,3 раза. Дети подвержены прежде всего заболеваниям дыхательных путей.

Темпы, с которыми нарастают изменения в здоровье со времени катастрофы, значительно превышают ожидаемые и объясняются не только радиоактивным излучением, но также и воздействием вредных экологических, социально-экономических,

психологических и других факторов. Среди многочисленных последствий катастрофы беспокойство вызывают также возможные генетические нарушения. По данным Беларусского республиканского научно-исследовательского института наследственных и врожденных болезней существенно увеличилось количество детей с врожденными уродствами в Гомельской и Могилевской областях. Так как определенные онкологические заболевания проявляются лишь на более поздней стадии, то в настоящее время вообще еще невозможно определить масштабы медицинских последствий катастрофы. Поэтому, по утверждению профессора радиационно-биологического института Мюнхенского университета Эдмунда Ленгфельдера, *"еще далеко до вершины айсберга"* ср. *"Франкфурте? Рундшау"* от 21 июня 1994 г.).

Это так, особенно если учесть, что еще очень много людей проживает в пораженных районах. С одной стороны, этот пугающий факт следует объяснить совершенно недостаточной политикой переселения, проводимой беларусским правительством, причины которой кроются опять-таки в преступно невежественной трактовке доз радиации, а также в финансовых проблемах. С другой стороны, некоторые переселенцы вернулись в родные пораженные деревни и покорились своей судьбе.

Названные факты позволяют предположить масштабы медицинских последствий катастрофы, но вряд ли они позволяют увидеть ее настоящее лицо. К этому выводу пришли и немецкие "родители", которых я сопровождала во время их поездки в Беларусь и на Украину:

- *"Высокую степень облучения я, правда, осознавала рассудком, но только увидев детей, похожих на призраков, я все поняла по-настоящему, я испугалась, ощутила ужас и почувствовала себя совершенно беспомощной.*

Я впервые увидела четырехлетнего брата своего Чернобыльского ребенка — бледного, апатичного, по-стариковски передвигающегося вдоль стены. Мать показала, мне выпавшие клочья волос. А в его последних редких волосиках видны были круглые белые пятна. Он был так слаб и тяжело болен, но в больнице не было места.

• "О последствиях катастрофы, правда, говорят много. Известно, что от этого страдают и дети и взрослые, но я не знала, что это непосредственно коснулось и наших семей... что оба брата нашего чернобыльского ребенка так тяжело больны. Шестилетний мальчик страдает раком щитовидной железы, а девятилетний — лейкемией. После этого я не могу не помогать еще больше, чем до сих пор."

Психосоциальные масштабы опасностей, которым подвергаются беларусские семьи в результате болезней и смертельного облучения, видны из результатов моего исследования. Мы спрашивали родителей чернобыльских детей, что их в настоящее время сильно угнетало, чего они боялись, на что надеялись, во что верили и есть ли что-нибудь такое, чему бы они радовались.

При ответах на данные вопросы однозначно преобладали *негативные* аспекты:

— 44 процента опрошенных *боялись собственных заболеваний, а особенно ухудшения состояния здоровья своих детей.*

— 20 процентов вообще не видели выхода из ситуации — особенно имея ввиду будущее своих детей.

— 15 процентов опасаются, что *радиоактивность* негативно влияет на *климатические условия* и что *продолжающаяся радиоактивность отравит продукты питания*.

— 5 процентов высказали в связи с этим комплексом вопросов опасение, что *экономическая ситуация может* и дальше ухудшаться.

— 3 процента считали, что *катастрофа может повториться*.

— Некоторые высказали опасение, что могут потерять работу: Что может начаться *новая война*. Некоторые из опрошенных даже опасались, что *не смогут пережить эту трудную ситуацию*.

И только 4 процента опрошенных сказали, что ничего не боятся. На вопрос, существует ли для них, как пострадавших, вообще какая-нибудь надежда, 26 процентов не ответили. Остальные ответили на этот вопрос положительно или отрицательно соответственно поровну.

Надежду на ожидаемую помощь те, кто надеялся на таковую, возлагали:

— 21 процент на веру в помощь бога.

— 8 процентов на веру в собственные возможности компетентного решения проблем.

— другие 8 процентов на веру в иностранную помощь.

"Чернобыль — уже почти забыт . . . ?"

То, что Чернобыль — несмотря на конструкт о культурном шоке — не является больше актуальной темой в общественном сознании, об этом свидетельствует не только спонтанное высказывание шофера такси из Ганновера по пути в аэропорт: *"Вы хотите поехать в Чернобыль? Но это уже почти забыто! Что Вы там потеряли?"*

Мой ответ, что в настоящее время ежегодно по

несколько раз по всей Германии более 300 родителей из 172 инициатив отправляются на собственные средства, чтобы посетить своих "крестников" из Чернобыля в их собственных семьях в родных деревнях, показался ему еще менее понятным. Мой шофер такси заметил по этому поводу: *"Так или иначе из этого нет никакого выхода, тогда к чему все это?"*

Его слова совпадали с распространенным среди общественности мнением, поверхностный характер которого своим высказыванием раскрыла переводчица из Беларуси, сопровождающая нас. Она резюмировала это в конце поездки немецких "родителей" словами прощания: *"Даже если большинству семей в Могилеве, Гомеле, Бельничках, Минске, Киеве и других загрязненных населенных пунктов все кажется безысходным и почти бессмысленным, потому что у детей нет больше будущего, то все-таки остается неизгладимое впечатление от совместно проведенного в Германии времени или здесь, в белорусской семье, с ощущением счастья. Может быть, это то единственное и самое важное, что мы можем сделать. Мы не знаем, что будет завтра, но благодаря тому, что есть Вы, "крестные родители" из Германии и из других частей света, у нас есть счастливый сегодняшний день."*

Кажущееся бездумным высказывание какого-то шофера такси из Ганновера в 1994 г. звучит словно эхо международных дебатов, прошедших со времени катастрофы на реакторе в Чернобыле в 1986 г. После почти бесконечного замалчивания несчастного случая в Беларуси в 1989 г. это было воспринято как смертный приговор пострадавшим, когда независимая экспертная комиссия, созданная между тем по поручению Международной организации по атомной энергии в Вене представила свои результаты. К изумлению мировой общественности главное мнение экспертов нашло свое выражение в следующем предложении:

- *"Нет прямой связи между аварией на реакторе и встречающимися нарушениями и заболеваниями вокруг Чернобыля."*

Это высказывание кажется тем более непонятным в связи с научным признанием результатов исследований последующих пострадационных нарушений и отклонений в здоровье жителей Хиросимы.

В результате этого заключения экспертов любое юридическое притязание относительно интернациональной помощи было лишено какого-либо основания. Когда в декабре 1991 г. в Нью-Йорке на последующей Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций всем странам-участницам было предложено представить разработанные предложения по улучшению ситуации в Чернобыле, тогда стало очевидным, что никто не мог предоставить деньги, так как не обнаруживалась причинная связь между катастрофой и последующими нарушениями здоровья. Из-за отрицания экспертами связи между катастрофой и последующими нарушениями здоровья ни одна страна-участница ООН не могла быть обязана оказывать серьезную помощь и жертвы оказались — как и до сих пор — в исключительной зависимости от добровольной помощи. МАГАТЭ только откомандировала одного из своих сотрудников для руководства Бюро по оказанию помощи Чернобылю, организованного при ООН в Вене, для сбора пожертвований — однако почти без собственного бюджета.

Тем самым началась вторая Чернобыльская катастрофа, а именно, узаконенное вытеснение из сознания общественности, забвение, а также оставление жертв один на один с бедой. Исследования на местах показали, что беда людей заключалась не только в ослаблении здоровья или в материальных недостатках. Скорее ощущение покинутости мировой общественностью в беде наносит пострадавшим

душевные раны. К этому добавляется сознание того, что информация о типе, масштабах и последствиях катастрофы в собственной стране всячески блокируется и что экспертиза МАГАТЭ оправдывает безразличие общественности. Это как в сообщающихся сосудах: чем больше масштабы катастрофы -значительно большие, чем в Хиросиме и *Нагасаки*, если сравнить, — тем сильнее слабеет общественный интерес к ней вследствие все увеличивающегося временного интервала. Чернобыльская тема в западных промышленных странах вызывает интерес только тогда, когда существует угроза собственной безопасности. Так, Европейский Союз оказывает в рамках программы "Тацис" техническую поддержку, чтобы повысить ядерную безопасность в бывших странах Союза. С 1991 г. по 1994 г. в рамках этой программы Европейским Союзом было предоставлено полмиллиарда марок. На прошедших встречах 7 глав ведущих западных промышленных государств в Неаполе в 1994 г. и в Галифаксе в 1995 г. постоянно обсуждалась проблема безопасности реакторов в Восточной Европе, особенно Чернобыльского реактора. И как бы ни важны были эти вопросы, тем не менее в этой связи мало говорится о страданиях пострадавших людей. Потрясающие гуманитарные аспекты катастрофы уступают место аспектам техническим.

Осенью 1991 г. ситуация была похожей. Тогда постоянное представительство федеративной республики германия ПРИ организации объединенных наций В вене по поводу заседания Комиссии по правам женщин попросила меня заняться проблемой разработки первых рекомендаций по улучшению условий жизни в Чернобыле с точки зрения ученого педагога. Благодаря этому запросу постоянное представительство федеративной республики германия при организации объединенных наций.

В вене совместно с Бюро по оказанию помощи Чернобылю захотело создать предпосылки с тем, чтобы вручить пострадавшим жертвам Чернобыля не только рыбу, но и удочку. Этим как раз и началась для меня фаза разнообразных контактов, бесед, поездок к пострадавшим людям в Чернобыль.

А между тем я, как уже говорилось, провела много бесед с людьми в пораженных районах Беларуси в окрестностях Минска, Могилеве, Гомеле, а также в Украине в окрестностях Киева. При этом все больше усиливалось впечатление снижения общественного интереса, с одной стороны, и, с другой, усиления страданий "на местах". Но эта ужасная беда, кажется, подтверждала выводы Гельдерлина о том, что *"там, где много разрушений, там вырастает и спасение"*. Так, с 1991 г. — сначала незаметно, а потом все заметнее, — стали возникать очень многие инициативы в Германии и за границей, которые, словно узелки в сети, установили контакты между Востоком и Западом. Такие "узелки" создавались церквями, свободными объединениями, политическими группировками, а также частными инициативами в форме гражданских инициатив из всех важнейших общественных группировок. Аналогично в Беларуси и Украине возникли первые гражданские инициативы, которые, будучи более или менее зависимыми от государственных интересов, создали свои собственные сети. В качестве примера приведу Фонд "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ", потому что он в качестве инициативы подтвердил мои эмпирические исследования.

В рамках своего исследования я задала 229 родителям чернобыльских детей из Беларуси вопрос о том, какую помощь они получили и что им больше всего помогло: семейная спаянность, связи с друзьями и коллегами, помощь от государства, церкви, гражданских инициатив в собственной стране или помощь от государства, церкви, гражданских

инициатив из-за границы.

Было крайне тяжело произвести точную количественную оценку этих вопросов, потому что я столкнулась со слишком низким уровнем информированности пострадавших родителей и детей. Большинство опрошенных не знало точно, от кого они, собственно, получали помощь. До тех пор, пока это серьезно не коснулось опрошенных, как, например, из-за необходимости медицинской помощи, то они по большей части не проявляли интереса к тому, из каких источников поступала гуманитарная помощь.

— 44 процента опрошенных сообщили, что получили какую-то помощь *как пострадавшие от Чернобыльской аварии*; причем 68 процентов из них утверждали, что получили помощь от собственного государства. 6 процентов получили эту помощь, по их словам, от *белорусской церкви*, а 26 процентов — от *различных местных гражданских инициатив*.

— 28 процентов сообщили, что получили помощь *от иностранных государственных организаций*, 19 процентов — от *иностранных церквей* и 65 процентов — от *различных иностранных гражданских инициатив*.

— *Семейная спаянность* для 21 процента всех опрошенных была важной предпосылкой для того, чтобы справиться с фатальными условиями жизни. Около 6 процентов опрошенных сообщили, что получили *поддержку друзей или коллег*.

— 56 процентов опрошенных считали, что *ни от кого не получали никакой помощи*.

4. Конец одностороннего движения — исследовательская группа с Востока и Запада

В рамках моего плана впервые предусматривалось рассмотрение аспекта психосоциальной помощи, которому до сих пор уделялось мало внимания. То, что подобные исследования психосоциальных условий до сих пор вряд ли проводились, становится понятным только ввиду большого количества крайне бедственных жизненных ситуаций "на местах", в которых прежде всего важно, согласно пирамиде потребностей МАСЛОВА, удовлетворить так называемые *basic needs* (базовые потребности), прежде чем рассматривать психосоциальные задачи решения таких критических жизненных событий, как хроническая болезнь или смерть. Я сознательно хотела при этом избежать сужения перспективы в отношении к пострадавшим людям на Востоке и поэтому исходила из следующей предпосылки:

Разработка рекомендаций по улучшению психосоциальной ситуации пострадавших людей в окрестностях Чернобыля требует, в качестве основной предпосылки, заслушивания всех участников, то есть, с одной стороны, людей из радиоактивно зараженных районов на *Востоке*, а с другой стороны, людей из стран на *Западе*, поддерживающих их.

Моим главным желанием было постепенное изменение взглядов *обеих сторон*. Это означает, не продолжать одностороннего движения в направлении Востока, движение должно быть двусторонним- с Востока на Запад и наоборот, в его осуществлении должны участвовать одновременно обе стороны. Образно говоря, это казалось предпосылкой к

сохранению прочности необходимого моста Восток — Запад и предотвращению опасности быстро исчезающей эйфории: от последствий разрушения этой оси снова бы пострадали в первую очередь жертвы Чернобыля. И тогда, на мой взгляд, для этих людей произвольно — но несравненно более разрушительная — возникла бы третья Чернобыльская катастрофа.

Если *первоначальная* катастрофа вызвала в первую очередь физические нарушения, то в результате *второй* и, возможно, *третьей*, Чернобыльской катастрофы проявились бы психические нарушения, а именно: депрессия и ощущение одиночества как следствие забвения. Чтобы противодействовать этому, следовало бы обсудить опыт всех участников как основу для соответствующих рекомендаций. Следовало бы свести воедино точку зрения детей Чернобыля с точкой зрения принимающих немецких семей, белорусских и украинских семей, а также политиков. Для этого детям, принимающим семьям и семьям, посылающих детей, были предложены стандартные анкеты, которые должны были дать нам информацию о человеческом психосоциальном измерении Чернобыльской катастрофы. Мы хотели также получить представление о пользе и влиянии заграничных поездок на Востоке и Западе.

С помощью многочисленных интервью, отдельных и групповых бесед мы попытались узнать тот мир, в котором живут дети и их семьи. Чтобы преодолеть языковые барьеры детей, мы дополнительно попросили детей нарисовать рисунки, которые были проанализированы детским психологом. Пострадавшим людям было также предложено записать историю собственной жизни. Во время встреч представителей Востока и Запада дискуссии также использовались для того, чтобы устранить и преодолеть психологические и культурные барьеры.

**Не продолжать одностороннего движения
Встречи Восток—Запад и Запад—Восток**



5. Личная инициатива — раньше преследуемая, теперь — требуемая

Чтобы понять, какие якобы непреодолимые трудности имели место при проведении исследований, нужно познакомиться с историей людей в "старой России" и России советской. Люди, пережившие болезненные процессы воссоединения старых и новых федеральных земель, легко понимают, какие параллели тут вырисовываются. Почти все опрошенные люди из Чернобыльской зоны обвиняли:

- *"До настоящего времени нас наказывали за личную инициативу, сейчас нас наказывают за то, чему я училась десятилетиями, а именно: молчать, приспособливаться, плыть по течению. Теперь меня обвиняют в том, что я больше не в состоянии проявлять личную инициативу. Это так парадоксально. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Или я уже свихнулась... и страдаю шизофренией."*

Люди в новых федеральных землях Германии подвергались угнетению в условиях существующего социализма в течение 40 лет. Насколько дольше отсутствовала свобода мнения в Советском Союзе? И тогда становится понятным, почему опрос Чернобыльских детей, первый этап исследования, натолкнулся на значительные трудности. И это касается не только детей, но и в равной степени — и даже в большей, — переводчиков. К сожалению, пришлось по уже названным финансовым

причинам отказаться от независимых нейтральных переводчиков и пользоваться в качестве переводчиков услугами воспитателей, сопровождающих детей. Вполне понятно, что и переводчики были жертвами истории своей жизни и воспитания. Они часто старались добиться от детей ответа, которого мы, по их мнению, ожидали. Из взаимоотношений между переводчиками и воспитателями можно было часто без слов понять, что существовало чрезвычайно авторитарное, несвободное, нередко испуганное отношение. Конкретно мы наблюдали следующее:

У детей: дети были мало похожи на детей. Они были боязливы и чрезвычайно запуганы и всегда старались понравиться, приспособиться и всякому угодить. Случалось, что они начинали плакать как только им подносили листки бумаги с предложением нарисовать что-нибудь.

У сопровождающих матерей: матери, приезжавшие в Германию со своими маленькими или больными детьми, также пытались вести себя приспособиваясь. В моменты, когда их без определенной цели спрашивали относительно их мнения, они смущенно улыбались и говорили, что *ничего не знают*. А когда к ним подходили с конкретными заданиями и предлагали им бумагу, то они нередко просто убегали, закрывались в туалетах и долгое время на самые благожелательные вопросы отвечали молчанием. И если после долгих убеждений вообще удавалось начать доверительный разговор и опрос, то они отвечали кратко "да" или "нет" и пытались избежать какой бы то ни было интерпретации. И предложения обсудить вопрос оставались без комментария. Необходимо было сначала каждый раз выдерживать такое невольное усвоенное поведение, скрывающееся за парализующей апатией, с тем, чтобы совместно преодолеть его и попытаться найти новые пути.

В семьях, откуда были эти дети: семьи Чернобыльских детей Украины и Беларуси были также опрошены с помощью сопровождавших их лиц, которые одновременно выполняли функции переводчиков. Подобно матерям, побывавшим в Германии, они вели себя очень боязливо, отвечая на вопросы шаблонно или отмалчиваясь.

Один из белорусских политиков, опытный и открытый человек, интерпретировал такие ситуации в отличие от своих коллег иначе, он комментировал их так: *"Описанный пример вряд ли на сто процентов объясним стремлением к сохранению идентичности или связанной с ним "молчаливой скрытностью". Здесь речь может идти, скорее, о проявлениях "восточного менталитета" или о "восточнославянской стыдливости из-за бедности". Неправильно было бы объяснять такую манеру поведения "отсутствием инициативы" следствием тоталитарного воспитания при коммунистическом режиме."*

У политиков: примечательно то, что неоднократно приходилось констатировать, что договоренности о встречах неожиданно срывались, что согласие на встречу объявлялось ошибкой или результатом неправильного понимания. Приведу конкретный пример: в рамках подготовки моей поездки между Министерством иностранных дел Германии и правительством Беларуси была достигнута договоренность о том, что Беларусь берет на себя размещение и транспортные

расходы. После того как уже первое обещание о размещении не было выполнено, должен был быть обеспечен транспорт для поездки в пораженные районы утром в пятницу в 7 часов, что и было неоднократно подтверждено накануне моему собственному переводчику. Но когда утром срок истек и перед гостиницей не появились ни шофер, ни переводчик, то моему переводчику, сопровождавшему меня, было заявлено, что я ошиблась и что предоставленная мне машина ждала меня накануне в 7 часов. Это дало повод сопровождавшему меня переводчику прокомментировать это так: *"Такая игра нам уже давно известна, поэтому, предвидя это, мы уже позаботились о запасной машине."*

В противоположность этому скорее негативному опыту существует, однако, и чрезвычайно положительный, связанный с первым послом Беларуси в Германии, который, будучи независимой, суверенной личностью, стремился разрешать конфликты.

Ключ к пониманию этого суверенного и вполне "западного" поведения высокопоставленного чиновника следует искать в его нетипичной биографии, в том числе и политической. Он не был номенклатурным, дипломатом. После окончания филологического факультета Минского университета у него было много контактов с Западом. Кроме того, он изучал финансовые науки, два года был председателем Комиссии по иностранным делам в Белорусском парламенте, активно участвовал в демократической парламентской оппозиции. Следствие: никаких "проблем идентичности", будучи послом, он во многом действовал в соответствии с

идеальными максимумами. Результат: ввиду *"мирной революции детей Чернобыля"* он, первый посол, понимал себя как *"зрелый посланец"* сближения, служащий *"делу мира"* и *"сближения народов"*.

На следующем примере — это, скорее типичная биография высокопоставленного военного, с которым мы познакомились случайно, -отчетливо видно, перед какими трудностями стоит исследование, подобное данному, преследующему цель понять позиции и точки зрения людей и вместе с ними построить их будущее. История их жизни проясняет, насколько тесно их личная идентичность переплетена с идентичностью, сформировавшейся Чернобыльской гражданской инициативе обратились белорусские представители с просьбой оказать медицинскую помощь одному, пострадавшему от Чернобыля ликвидатору, высокопоставленному военному. После того как мы предприняли соответствующие шаги, мы оказались в состоянии растерянности из-за его реакции, которую один из белорусских посредников описал следующим образом:

- *"Господин X, ликвидатор, участвовавший в 1986 г. в течение первых 42 дней в работах по ликвидации катастрофы непосредственно около реактора, не подозревая о размерах опасности, решительно отклоняет любую предложенную ему помощь. Он принципиально отказывает всем людям, приходящим к нему с добрыми намерениями."*

На мои вопросы посредник добавил:

- *"Господин X ушел в себя и пытается сохранить свою идентичность из времен "до" катастрофы. Создается впечатление, что он страдает от тяжелой депрессии,*

причиной которой является не одно лишь понимание неожиданно проявившихся последствий радиации и смертельного заболевания. Его поведение, скорее, объясняется глубоким душевным потрясением из-за крушения жизненных устоев, в которые он когда-то верил, будучи хорошо обеспеченным человеком. История его жизни и профессии, а также его мировоззрение рухнули одновременно с Чернобыльским взрывом. С тех пор он — как и некоторые из его друзей -отказался от всякой надежды на улучшение и стал алкоголиком. Он прервал всякую связь с внешним миром. Он заболел не только физически, но разрушен психически, невольно втянутый в смертельную катастрофу бытия, страдающий от одиночества, избранного им самим."

Этот пример доказывает, как тяжело освещать жизненную подоплеку людей, чтобы вместе с ними построить их будущее, с пострадавшими людьми, которые, отвергая и отрицая любой вопрос, вынуждены все игнорировать, чтобы не отказаться от того единственного, что им осталось после катастрофы, а именно "привитую им, политически сформированную идентичность". Это звучит как парадокс, но именно в отрицании и отказе от этой задачи эти люди научились видеть. единственный шанс сохранить свою идентичность, свое лицо. Поэтому не следует удивляться, если один из интервьюируемых объяснял постоянно усложняющиеся условия выезда за границу Чернобыльских детей обоснованным, как он считал, страхом правительства, что через определенное время может действительно произойти "революция детей Чернобыля".

6. Совместная жизнь в деревянном доме — подход альтернативного исследования

"Делили стол и лежанку"

На основе этих событий весной 1993 г. я предприняла вторую попытку исследования с целью реализации древнего педагогического принципа ПЕСТАЛОЦЦИ, а именно, посещение пострадавших людей на месте. Для меня это означало отправиться к пострадавшим людям в район Чернобыля в их покинутые, зараженные или частично зараженные деревни или деревянные дома, есть с ними, пить и временно жить вместе. Чтобы узнать что-либо о действительной жизненной подоплеке пострадавших людей, я должна была сначала завоевать их доверие. Три шага должны были помочь мне при этом:

1. Семьи должны были получить информацию о моем визите через их доверенное лицо; посредником был координатор поездок по обмену ДЕТИ ИЗ ЧЕРНОБЫЛЯ В ГЕРМАНИЮ.
2. Доверие семей должно было укрепиться благодаря хотя бы одной ключевой фигуре в деревне. В этой роли могли бы выступить или деревенская учительница или долгие годы известный им врач, которые были бы в состоянии переводить с помощью уже упомянутых переводчиков с немецкого на русский и наоборот. Кроме того, они знали как детей, так и их родителей уже не первый год — некоторые из них жили уже по двадцать лет в тех же деревнях.

3. Доверие укреплялось дополнительно благодаря тому факту, что интервью с семьями Чернобыльских детей принципиально проводилось в присутствии немецких принимающих семей, в которых белорусские дети в течение четырехнедельного пребывания в Германии получили столько теплоты и участия. Одновременно существовала возможность для принимающих семей из Германии получить собственного переводчика в посещаемых семьях и впервые провести беседу по интересующей их проблематике.

Самой важной была возможность делить в деревянном доме стол и лежанку, чтобы взломать структуры, "развязать языки" и получить ответы на наш важнейший вопрос: *Какой совместный вклад мы можем внести в дело улучшения жизненной ситуации людей из Чернобыля?*

При этом очень важным оказалось то, что я не стояла перед партнером как лицо, требующее к себе уважения и подобострастия. Я быстро научилась, — под тем предлогом, что мне холодно, -выпрашивать себе место на лежанке. Это была решающая смена роли.

Таким образом я сопровождала весной 1993 и 1994 гг. во время пасхальных каникул немецкие семьи, которые посещали "своих" детей и их семьи в Беларуси. В первый раз группа немецких "родителей" состояла из 34 человек, а во второй — из 27. Тем самым я получила возможность в 51 семье на месте получить ответ на свои вопросы. Параллельно были проведены исследования и в других семьях Беларуси и Украины с помощью других интервьюеров.

Благодаря этим визитам мы вновь осознали правильность слов СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ: "Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил..!"

Чтобы дать представление о том, в каких условиях добывались результаты интервью, мне хотелось бы вкратце обрисовать то, что мы испытывали ежедневно. После двухчасового опоздания самолета "Аэрофлота" мы поздно вечером вместе с немецкими "родителями" прибыли в нашу гостиницу. Лично я сразу же отправилась на машине, бензин для которой был добыт не без приключений, в одну из семей, проживающую в "маленькой" квартире в 36 квадратных метров в высотном многоквартирном доме на окраине города Минска, совершенно не похожей на западные квартиры, но по белорусским масштабам вполне приличной. Жена после десяти лет работы в фирме и в связи с заболеванием туберкулезом получила право на отдельную квартиру без дедушек и бабушек, без свекра и свекрови. Поздно вечером я вернулась в гостиницу и устанавливаю следующее:

санузел не работает, нет телевидения и света. Извне проникает уличный смог, а внутри — запах карболки. Для устранения недостатков является бабушка в тапочках, в поношенном халате и в косынке и сообщает при помощи рук и ног: *"Нет, нет, я ничего не могу поделывать, может быть завтра."* Затем "привилегированный" гостиничный завтрак с салатом из белокочанной капусты, чайником, полным сладкого чая, белым хлебом и мармеладом и в лучшем случае — ломтиком сыра. . . Ранним утром мы отправляемся в деревни, в Бельнич, Могилев, Гомель и т.д. по ухабистым дорогам, требующим от шофера высокого искусства вождения. Удивленные тому, что ось автомашины не сломалась и выбоины на дорогах преодолены, мы, наконец-то, добираемся до первой деревни.

Но вскоре выяснилось, что машина вряд-ли может доехать до отдаленных деревень. Из-за наводнения нам скорее нужна была бы лодка, чтобы добраться до старых белорусских деревянных домиков, которые, к сожалению, не были свайными постройками и полы в которых были уже мокрыми. Невозможно все это описать и рассказать. Поэтому я ограничусь главным. Ни для кого не секрет, что мы были сражены белорусским гостеприимством. Невозможно было в каждой семье удовлетворить требованиям гостеприимства, открывать не только сердце и душу, но и желудок. Многократно я смогла более или менее тайком удостовериться, что все, что было в семье, стояло на столе. Когда я под каким-нибудь предлогом отправлялась на кухню и отваживалась приоткрыть шкаф или холодильник, то не находила там никаких запасов, кроме крохотного кусочка сала, черствого хлеба, небольшой головки белокочанной капусты и во всей стране известной стеклянной банки с маринованными красными помидорами или зелеными огурцами. Но для нас специально "опустошались" погреба, находившиеся под полом деревянного дома и наполовину затопленные водой. В них ожидали нас от пяти до десяти стеклянных банок собранных ягод и грибов, в той или иной степени радиоактивно зараженных. Но все, решительно все, выставлялось для нас на стол.

Для наглядности я приведу в качестве примера одну единственную семью. Она делила с нами стол, постель, водку и последний хлеб. Принимать нас собралась вся большая семья: около 20 человек — дети, родители, бабушки и дедушки. И еще мы — гости. Снова подтвердилась старая истина, что места всем хватит и в самой маленькой хижине. Комната согревалась старой русской печью с ее чудесной лежанкой, с ведрами для корма свиньям и водой для самовара. Когда мы сели обедать, то столы ломились от угощений. Много пели и танцевали.

Одна из девочек принесла мне старую школьную хронику. Она познакомила меня с произведениями своего сельского учителя, одновременно писателя, и, как это водится, мы учились друг у друга песням, танцам и стихам. Все явились по-праздничному одетыми. Когда я в пол-третьего ночи попросила разрешения прилечь, то это показалось почти невежливым. Потом соседи принесли белые простыни, чтобы застелить кровать. Позже, когда я присмотрелась, то поняла, что моей ванной комнатой этой ночью была вся широкая снежная пустыня перед домом под открытым звездным небом. Мне редко приходилось так явственно ощущать то, что должны были пережить солдаты на войне, когда они находились одни в уединении беларусских ночей, далеко от других людей. В то время как я прислушивалась к звукам этого уединения и полчаса спустя еще не вернулась, семья стала искать меня. Потом все дети и родители отправились в соседний дом и устроились спать на полу.

Я одна вернулась ночью, чтобы вместе с другой немецкой родительской парой окунуться в "водочный" сон. Когда я в четыре часа утра должна была снова выйти из дома на заснеженную природу, чтобы освободиться от водки, я споткнулась в прихожей об учителя. Полностью одетый, он лежал на полу перед моей дверью, пол служил ему кроватью. Когда я, переступая через него, добралась до кухни, то я не поверила своим глазам. У меня было такое чувство, будто я нахожусь в большой химической лаборатории: с невероятной сноровкой там работали две женщины, хозяйка дома и золовка, чтобы приготовить нам угощение. Они сняли с себя хорошую одежду. На голове у них были косынки или чепчики. Ноги их были обернуты какой-то материей. Их одежда состояла из сшитых вместе тряпок. На плите кипела вода.

В громадном стиральном баке работал самогонный аппарат. Через соединительную трубку вода стекала с плиты в корыто на табуретке. На маленьком кухонном столе бабушка готовила русскую фирменную стряпню — маленькие, выпеченные в сале шарики, называемые "сушками". Я вспомнила теперь, что они, после того как забрали детей у соседей, собрали яйца, сыр и творог и принесли их домой. Из этих выпрошенных продуктов они приготовили для нас, гостей, эти деликатесы. В холодильнике, я уже упоминала об этом, был только маленький кусочек сала, а в шкафу — хлеб и капуста. Женщины попросили меня, как можно быстрее отправиться в дом и снова лечь спать. Когда я встала утром в полвосьмого — кухня выглядела, будто в ней ничего и не происходило. Женщины расчесывали свои длинные волосы, завязывали их в узел, украшали их заколками и снова одевали свои праздничные платья. В печи бурлил корм для свиней... Зашумел самовар и нас, гостей, стали баловать "сушками".

В девять часов мы отправились в следующую семью. И снова все повторилось: сто ломился от изобилия мисок с различными яствами. Дети были одеты по-праздничному. В деревне нам с гордостью показывали домашних животных в стойлах, а в городе — вспомогательные технические приборы. Ни один прием пищи, с утра до вечера, не обходился без водки и песен, а один раз — в это трудно поверить, — люди даже молились. Особенно бросалось в глаза, что все, без исключения, дети были послушными. Существовали неписанные правила безусловного подчинения и молчаливого согласия.

Немецкие "родители" в детском доме

Целью нашего следующего визита был детский дом. Из этого детского дома дети тоже выезжают в Германию. И вот я иду по воде почти вброд, тут нам и впрямь не помешала бы лодка. Перед нами встают безликие сооружения из бетона — панельные жилые дома. . . И когда я поднимаю глаза, я вижу как в тумане более 200 пар детских глаз. Дети сгрудились за оконными стеклами и ждут нас. Странно, я стою тихо, я испугана, потому что дети не делают нам никаких знаков, они стоят прямо, как на параде, руки по швам, один рядом с другим, молча, почти как марионетки. Во всяком случае так я все это увидела. Я кладу на землю игрушки, наборы для рисования, аппаратуру для интервью, вхожу во двор этого детского дома, поднимаю руки, машу ими — вначале никакой реакции. Я смеюсь, киваю, посылаю им воздушные поцелуи и вот они уже как будто медленно просыпаются, оттаивают ото льда белорусского одиночества или апатии, которой им пришлось научиться вопреки своей воле, — вдруг и они начинают поднимать руки. Они кивают нам, улыбаются и, наконец, робко хлопают в ладоши. Вместе со мной группа из 37 немецких "родителей". Мы входим в дом, нас встречают воспитатели, они в обычной одежде, на них домашние туфли, рабочие халаты, платки. Женщина, заместитель директора, выглядит совершенно иначе, она ярко окрашена, причесана, в строгом синем костюме и белой блузке, на директоре костюм в полоску.

Создается впечатление, что без сопровождения ходить нельзя. Мы идем по длинным коридорам, заходим в залы. Нас размещают в кабинете директора, комнате в стиле дешевого барокко, для местных условий это просто великолепный зал. Под предлогом поиска туалета я выскальзываю из комнаты. Все вымыто с карболкой, все блестит, бесконечно длинные

корридоры с голыми стенами, никаких растений. Наконец я обнаруживаю залы, большие залы, в которых нет ни души. Нигде ни одной игрушки, ни одной картины, нет вообще ничего, все стерильно, функционально. Я иду по корридорам, ищу детей. Я прислушиваюсь, не слышны ли где-нибудь детские голоса. Мертвая тишина. Наконец я нахожу детей в так называемом актовом зале. Когда я открываю дверь, они на какое-то мгновение пугаются, затем робко кивают мне. Итак, это был актовый зал, окна которого я увидела снизу и который наконец-то нашла. 80 из 360 детей были собраны здесь, чтобы показать нам культурную программу. Очень дисциплинированные, выстроенные по линейке, они стояли в своих, сшитых самими из голубого сукна, украшенных золотыми шнурами, костюмах музыкантов. На девочках были лиловые блузки и юбки, также сшитые в своей швейной мастерской. Чистые ногти, причесанные волосы с огромными бантами-пропеллерами — картинка разнаряженных детей, знакомая нам по фотографиям из прошлого 19-го столетия. Они стояли, они ждали, они отваживались улыбаться. Я увидела одного из воспитателей. Я заговорила с ним, но навести мост ни при помощи английского ни немецкого языков мне не удалось. Не оставалось ничего другого, как попытаться разговаривать при помощи рук и ног и объяснить, что я тоже люблю музицировать, что хочу попробовать поиграть на трубе и после того, как мы выполнили программу обмена информацией, я попробовала поиграть на всех инструментах. Наконец я запела немецкую песню и попыталась учить детей петь ее. И вот лед сломан, мы смеемся, веселимся, нам хорошо друг с другом. Наконец воспитатель напоминает мне, что меня ждут к обеду и я- никаких возражений — непременно должна идти к столу. Меня вежливо выпроваживают, я иду обратно по бесконечно длинным корридорам, всюду гробовая тишина, почти как в доме, в котором лежит покойник. Позднее я

узнаю, что сейчас время Послеобеденного отдыха и все дети в течение двух часов должны отдыхать в своих постелях в общей спальне. А затем все было так: столовая, в которой меня уже хватились, являлась олицетворением белорусского гостеприимства. Длинные столы сгибались под сотнями вазочек, в которых для нас были выставлены вкуснейшие вещи — жирное мясо, жирная колбаса, порезанная кружочками — все это было разложено по тарелкам, консервированные огурцы домашнего приготовления, помидоры, лук, фасоль, обязательно нужно упомянуть белый овощной салат и незнакомое нам блюдо из красной свеклы, замечательные яблоки из собственного сада в стеклянных вазах и большие тарелки с хлебом, пирогами, круглым плоским печеньем. Все это было только закуской. И вот появилась процессия учителей, которые начали подавать нам обед из четырех блюд. Это были щи, картофельное пюре с соусом и мясом, десерт и кофе. И руки учителей, окрашенные в темно-красный цвет, выдавали, что все они, судя по всему, всю ночь были заняты тем, что чистили для нас громадное количество красной свеклы, нарезали ее и готовили для нас всю эту еду. Не было ничего удивительного в том, что у каждого из нас застревал кусок в горле, когда мы думали о 360 детях, для которых эти деликатесы оставались мечтой. По нашей просьбе вышел повар, это была женщина. На ней был высокий колпак, она была в домашних туфлях и белом халате. Мы постарались объяснить ей, как высоко мы ценим белорусское гостеприимство, когда картофельное пюре готовят не из пакета, а вручную, как это было в старые времена. О том, что картошка может быть радиоактивной, мы промолчали. Но, помня о возрождении церкви, я позволила себе сказать о белорусском гостеприимстве в духе традиционных христианских истин: *глубочайший смысл всякого гостеприимства состоит в том, что один*

человек дает другому человеку ощущение Родины на пути в вечность. Тот факт, что это гостеприимство было подчеркнуто тем, что нас *обслуживали* учителя, мы восприняли с особой благодарностью. Тем не менее мы решились на маленькую революцию, признавшись в том, что нам было бы более приятно, если бы мы могли уступить наши места детям, чтобы они могли побыть в гостях у собственного гостеприимства, а мы, пресыщенные благами западной цивилизации, смогли бы разделить с ними их радость. Но это было бы уже чем-то вроде культурной революции и ответом нам были лишь молчаливые улыбки.

После праздничного обеда мы пошли в актовЫй зал к детям, которые более двух с половиной часов, что по нашим немецким понятиям просто немыслимо, в течение всего обеда терпеливо ждали нас, чтобы представить нам культурную программу. Я должна признаться, что мне -педагогу и воспитателю по образованию — было чрезвычайно трудно, судя по номерам программы, по поведению детей, их солидарности по отношению друг к другу, представить, что все эти дети имеют патологию развития. Когда я сегодня в начале этой встречи вспоминала все те немецкие каноны, которые я изучала, я не могла отметить ни одного случая, который подтверждал бы, что эти дети имеют дефекты умственного развития и поведения. У других экспертов из нашей группы было точно такое же впечатление. Напротив, нас как бы окутала тень грусти, безнадежности, апатии и одиночества, исходящая из глаз этих детей. В музыкальном отношении программа была подготовлена мастерски и охватывала многие этапы истории культуры. Вначале исполнялись народные, затем церковные песни и в заключение прозвучали мелодии современного рока. Было просто удивительно, сколько поразительной самостоятельности и фантазии проявляли дети, когда

они, предоставленные сами себе, оставались наедине с микрофоном. О том, что радость от встречи белорусских детей-сирот и их немецких "родителей" была волнующим свидетельством глубины взаимоотношений между ними и оживленности оси Восток — Запад, я упоминаю лишь мимоходом. После всего, что пережили немецкие "родители", они поняли, насколько важным является развитие психологической и социальной концепции. У нас появились следующие вопросы:

- *"Должны и можем ли мы приглашать к себе детей из детских домов? Не заставляем ли мы ребенка страдать еще больше, когда даем ему возможность почувствовать атмосферу семьи с одной стороны и побывать за границей — с другой. Не ставим ли мы ребенка в две экстремальные ситуации, которые, возможно вызовут у него так называемый двойной культурный шок, о чем так часто говорят представители правительственных кругов?"*

- *"Не создаем ли мы нового неравенства, когда только из одного детского дома — а в этом районе их всего четыре и в них в среднем по 400 ребят, — берем в свои руки судьбу одного, двух или даже трех детей и даем ему или им шанс?"*

Из всего этого вытекают другие вопросы, которые уже сами по себе отражают мотивы нашей гуманитарной деятельности:

- *"Боимся ли мы действительно того, что ребенок-сирота опять окажется в состоянии одиночества и сиротства, с которым не сможет справиться? Или, может быть, скорее это наша собственная грусть от расставания с ребенком?"*

- *"Разве мы сами не боимся того, что контакт с*

ребенком заставит нас задуматься о том, что десятки тысяч детей здесь, равно как и в Германии, ждут своего шанса оказаться в атмосфере нормальных семейных отношений?"

В дополнение к впечатлениям, полученным от посещения этого детского дома, я хотела бы, учитывая опыт посещения других детских домов, домов инвалидов, реабилитационных центров и т.л., сказать, что одной из главных проблем является то, что все они находятся в состоянии прозябания. Они выпадают почти из всех программ оказания помощи. Только тогда, когда их безнадежное положение становится объектом гласности, их снабжают лекарствами, продуктами питания и иногда поношенными вещами. Чего больше всего им не хватает, так это игрушек, шефской помощи и, как следствие, надежды на жизненность контактов Восток — Запад. Самым денным для учреждений подобного рода является посещение их людьми, которые готовы не как мухи-однодневки, а по возможности постоянно, поддерживать переписку, шефствовать, разрабатывать программы посещения, которые в условиях кажущейся безнадежности делают очевидным и ясным все то, ради чего все же стоит жить и работать. Часто мне приходится слышать такие спонтанные высказывания детей:

- *Теперь я начну учить иностранный язык, я хочу к вам приехать!*
- *Теперь я начну рассказывать о себе, каждый месяц, я буду присылать тебе свои фотографии, чтобы ты знала, чем я занимаюсь!*
- *Мне хотелось бы знать, как ты живешь, что ты делаешь!*

Во время многочисленных посещений социальных учреждений и семей мы специально передавали детям наряду с игрушками немецкую почтовую марку и монету. Это вызывало у детей чувство любопытства,

желание и готовность учиться, больше узнать/ Благодаря этому у них развиваются способности проявлять собственную инициативу, что подтверждает результаты моих бесед и опросов. Хорошее расположение духа и улучшение настроения детей после посещений Германии переносятся часто на всю семью.

Особенно меня волнуют два эпизода . В один из моих визитов в такие учреждения я раздала тысячу воздушных шариков и "отважилась" подойти к кроватям детей-инвалидов. В зале стояло пятьдесят кроватей, и в них, привязанные к стойкам решеток, лежали дети. Мне попытались помешать приблизиться к ним. Тогда я надула воздушные шарики, привязала их лентой к кровати с решеткой и попросила женщину, которая сопровождала меня, сделать то же самое. Я никогда не забуду пробуждение чувства радости, которое вспыхнуло в печальных глазах этих свежевыкупанных детей.

Никогда не забуду я еще одну сцену. Один священник русской православной церкви сопровождал меня в дом инвалидов, чтобы разделить там испеченный домашний пасхальный кулич. Кулич был не больше моей руки, однако, что совершенно непостижимо для непосвященных, детям, у которых была нарушена психика, удалось разделить его между собой и съесть, распевая при этом песни. Они окружили отца Игоря, с гордостью показывая ему маленькие крестики, которые были у них на шее, и называли свои имена: *Меня крестили — меня зовут Наташа, меня зовут Игорь, меня зовут Света.* Пока они были заняты всем этим, священник рассказал мне, что лишь в последние годы у церкви вновь появилась возможность посещать такие заведения. Однако церковь пока еще не в состоянии привлечь к такой работе широкие круги общественности. Когда мы затем сели в машину, к нам подбежал плачущий ребенок. Он рассказал, что воспитательница отобрала у него воздушный шарик и

у него теперь нет шарика. Реакция священника: *"Фрау Шухардт, что нам делать? Если мы вернемся, чтобы поговорить с воспитательницей, вход в этот дом будет для меня закрыт"*. Мы нашли возможность компенсировать материальную потерю ребенка, но с точки зрения педагога, промолчав, мы сыграли в плохую игру. Если бы мы повели себя в этой ситуации правильно, т.е. так, как этого требовала обстановка и тем самым могли изменить мышление людей, то это, несомненно, сказалось бы и на судьбе ребенка.

Мне этот случай показал, как много усилий и времени нужно для того, чтобы побудить людей, не унижая их при этом, начать революцию внутри себя и дать им альтернативу для переосмысления.

Дайте человеку не только рыбу, но и удочку

Для того, чтобы не унижить человека, а поощрить его инициативу, гуманитарная помощь, которая предоставляет людям, попавшим в беду, предметы повседневного пользования, может быть лишь первым шагом на этом пути. Для революции внутренней необходимо долгосрочное укрепление самостоятельного ответственного мышления. Концепция трех этапов, разработанная одной немецкой инициативой и реализуемая по принципу *"Дай мне не только рыбу, но и удочку"* имеет целью укрепление личной инициативы и представляет собой многообещающую модель немецко-беларусского партнерства.

На *первом этапе* детский дом получает вначале материальную гуманитарную помощь — продукты питания, медикаменты и медицинское оборудование, одежду и игрушки. На *втором этапе помощь* иницируется в самопомощь тем, что благодаря поставкам швейных машин и оборудования для швейной мастерской в детском доме создаются

рабочие места для молодежи и возможности для профессионального обучения. Результаты первых двух этапов мы смогли увидеть в одежде юных артистов-участников хора, оркестра и театральных постановок. *Третий этап* — воспитание поведения, ориентированного на рыночные условия, при котором долгосрочный обмен между Востоком и Западом осуществляется таким образом, что вся одежда, обувь, изделия из кожи и игрушки поступают из Германии непосредственно в этот детский дом и там при участии детей создаются новые рабочие места для местных жителей. Здесь поступившие изделия подновляются и готовятся для продажи в магазинах подержанных товаров. В помещении, снимаемом специально для этой цели, подновленные изделия поступают в свободную продажу. Эта концепция имеет четыре преимущества:

1. Люди, попавшие в беду, получают не только рыбу, но и удочку: они

могут создать свой собственный рынок.

2. Они теряют ощущение человека, который должен постоянно испытывать чувство благодарности. Они приобретают самостоятельность и финансовую независимость. За свои собственные деньги они могут купить в магазине *подержанные* вещи по своему выбору.

3. Они испытывают чувство удовлетворения и счастья, имея возможность выбора товара в магазине по своему вкусу. У них появляется заинтересованность и они могут ее реализовать, покупая потребительские товары по низкой цене по *самостоятельно разработанной программе экономии*.

4. Люди уже больше не находятся в зависимости от черного рынка.

Эту концепцию трех этапов, начиная от гуманитарной помощи и идя к самопомощи и социальной рыночной экономике необходимо использовать и в других сферах.

7. Результаты опросов по качественному признаку (более 150), проведенных на Востоке и Западе

Я так подробно описала ситуацию, чтобы наглядно показать, что для проникновения в структуры и для того, чтобы люди заговорили, действительно необходимо делить с ними хлеб и лежанку. Только так можно было получить ответы на вопросы, какой вклад мы можем внести для улучшения жизненных условий людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы. Я уже упоминала о том, что результаты этого исследования вытекают не только из многочисленных бесед, которые я вела с детьми Чернобыля, их родителями, их немецкими "родителями", а также немецкими "братьями и сестрами" и политиками. Ответы на мои вопросы, которые я получила во время этих бесед, более красноречиво рассказывают нам о замкнутой или даже контуженной душе людей, попавших в беду, чем цифры и факты. Рекомендации, направленные на преодоление кризиса, должны опираться на более прочный фундамент. Именно поэтому опросы по качественному признаку дополнялись тестами в виде рисунков, которые помогали преодолевать языковые барьеры. Одновременно с этим мы собирали количественные статистические данные, предлагая детям, родителям, немецким "родителям", немецким "братьям и сестрам" систематизированные опросные листы. Результаты этих опросов представлены частично в иллюстративной части моего исследования. Чтобы дать возможность другим инициативам проводить подобные исследования, в приложении к настоящей книге помещены опросные анкеты. Хоть мне и не хочется повторяться, однако мне представляется важным еще раз представить

результаты качественных и количественных исследований в сжатом виде. При этом становится очевидным, что количественный сбор статистических данных представляет собой не только сухой фактический материал, это в то же время своеобразный хор голосов людей, попавших в беду.

Интервью по *качественному признаку*, всего их было 153, были проведены с 51 человеком от каждой группы пострадавших от Чернобыльской аварии:

- с 51 белорусским ребенком,
- с 51 немецкой "семьей",
- с 51 семьей, проживающей в Беларуси и Украине.

Беседы с чернобыльскими детьми

Когда я обобщаю результаты моих бесед с Чернобыльскими детьми в Беларуси и Украине, я однозначно выделяю четыре момента:

1. Насколько можно судить, чувство защищенности у детей в большой степени связано с наличием в семье бабушки и дедушки и их дачей. В условиях, когда оба родителя должны работать, чтобы зарабатывать на пропитание, часто бабушка — это именно тот человек, который может уделять ребенку внимание.

2 Религиозное воспитание связано исключительно с бабушкой и таинственным, почти "преступным" актом крещения, о котором работодатели и соседи ничего не должны знать. Или такие высказывания: *"Моя дочь часто шантажировала меня: если ты не сделаешь так, как я хочу, тогда я схожу куда нужно и расскажу, что вы крестили меня у бабушки"*. Религиозная жизнь связана поэтому исключительно с бабушкой и ее домом. Может быть именно этим можно объяснить тот факт, что 75

процентов детей рисовали дом дедушки и бабушки, а не собственный дом или собственную квартиру. Может быть, там их душа была защищена, в то время как дома в атмосфере родительского беспокойства по поводу неосторожных политических высказываний им приходилось слышать примерно такие слова: *"Не болтай о таких вещах"*.

3. Ответы на вопрос, испытали ли дети во время пребывания в Германии *"культурный шок"*, сопровождавшийся депрессивными расстройствами, апатией, душевными потрясениями, были однозначно отрицательными. В двух случаях дети были глубоко опечалены. Это состояние началось у них с момента прощания с Германией и, как это обычно бывает, прошло через три дня. В обоих случаях печаль была пережита и дети в результате получили новые жизненные импульсы. Этот факт подтверждает конструктивное и положительное влияние этого чувства в плане приобретения жизненного опыта.

4. Наряду с вопросом о *"культурном шоке"* возникал вопрос о реинтеграции ребенка в родную среду. Примечательно, что никто из детей не выражал желания остаться в Германии, за исключением одного случая. Это был ребенок-сирота. Более того, все дети — а их было 51 — настойчиво подчеркивали, что они непременно хотят вернуться домой, жить вместе со своими родителями и строить новое будущее. В то же время не было никакого противоречия в том, что дети единодушно выражали надежду когда-нибудь вновь вернуться в Германию, чтобы еще раз понаблюдать за жизнью немцев и поучиться у них. Эту свою надежду они однозначно связывали с тем, чтобы все лучшее из увиденного в Германии реализовать у себя дома.

Беседы с немецкими "родителями" в Германии

Подводя итоги многочисленных опросов и бесед с 51 немецким "родителем", которых я сопровождала во время их первого посещения белорусских семей, я хочу выделить еще три характерных момента:

1. Приглашение ребенка в семью обычно не планировалось заранее. Это не была какая-то внутренняя мотивация, как, например, стремление искупить вину за прошлое Германии. Это была, скорее, спонтанная реакция на многочисленные призывы средств массовой информации. Эти призывы публиковались в газетах, передавались по радио, их можно было видеть на плакатах. Не последнюю роль играли и личные обращения.

2. Многочисленные поездки немецких "родителей" в Беларусь свидетельствуют о том, что одностороннее движение гуманитарной помощи, идущее в направлении Запад — Восток, превратилось в результате ответных визитов в Беларусь в дорогу с двусторонним движением. Часто этот процесс происходил уже перед второй поездкой детей в Германию. Немецкие "родители" хотят помогать не только материально. Они хотят знать, откуда эти дети родом, они хотят знать их историю, семью, их будущее и более того, *вместе* с их родителями они хотят взять на себя ответственность за будущее этих детей. Конкретно: они хотят совместно обсудить возможности дальнейшего образования детей, а это — свидетельство жизненности оси Восток -Запад.

3. Все немецкие "родители" были единодушны в своем желании иметь возможность принять у себя Чернобыльских детей повторно, может быть вместе с их братьями и сестрами, и даже вместе с их родителями. Все немецкие "родители" детей ясно

понимали, что при повторном приглашении им придется взять на себя оплату авиабилетов в размере 300 марок. Удивительно и в то же время само собой разумеется, что все они были готовы нести дополнительные финансовые расходы, связанные с приглашением ребенка. Именно с таким твердым намерением они и отправились в Чернобыльскую зону. Тем не менее: в 50 процентах семей четко определились проблемы, суть которых заключалась в том, что люди стали более критически задавать себе вопрос, не приведут ли повторные поездки детей к новой несправедливости, страданиям и неравенству шансов. При этом возникал также и вопрос о собственном участии, о собственных мотивах; а также что означает действовать в аспекте общественно-политической ответственности.

Беседы в семьях в Беларуси и Украине

Без наших помощников, которые старались делать наше общение открытым, было бы едва возможно достичь ниже изложенных результатов. Этому способствовало, с одной стороны, присутствие немецких "родителей", которых белорусские семьи принимали сердечно, доверительно и с любовью, как "кумовей" и, с другой стороны, — это было присутствие сельской учительницы, которую они знали в течение двадцати лет и которая была нашей переводчицей. Этой открытости способствовала наша готовность разделить с людьми стол и лежанку. Люди, которых мы опрашивали, "открывались" и тогда, когда они узнавали, что я в течение нескольких лет работаю над экспериментом, цель которого заключается в том, чтобы вместе с ними, людьми, попавшими в беду, найти выход из кризиса и начать действовать. Из всех бесед я хотела бы выделить три момента:

1. Многие из тех, кого мы опрашивали, испытывали перед поездкой их детей за границу по отношению к немцам чувство глубокого скептицизма. Во многом это обусловлено воспоминаниями военных лет. Зачастую массовые убийства в Катыни, вдолбленные в коллективную память Беларуси, все еще продолжают приписывать немцам (хотя уже без сомнений доказано, и даже признано российским правительством, что ответственной за это зверство была Красная Армия).

2. После пребывания детей в Германии вместо чувства скептицизма появилось чувство взаимного доверия. Помощь и подарки за счет пожертвований, которые дети получали в Германии, стали фундаментом дружбы между Востоком и Западом. Родители убедились в том, что они не забыты, что они не одни. Это вселяет в них новую надежду.

3. Почти все родители подчеркивают, что поездка в Германию принесла их детям большую пользу. Они отмечают при этом не только медицинскую и материальную помощь, но прежде всего оздоровление душ детей, перед которыми пребывание за границей открыло новые горизонты. То, что дети при этом якобы испытали "культурный шок", родители отрицают.

8. Результаты опроса пострадавших по количественному признаку (более 1000) на Востоке и на Западе

Решающую роль в получении данных сыграло *сотрудничество* людей в Беларуси, Украине и в Федеративной Республике Германия. Не секрет, что процесс сбора достоверных данных никогда не был легким, свободным от страданий, более того, это был скорее сизифов труд, превратившийся в конце концов во взаимный конструктивный учебный процесс. Проблемы, которые возникали во время проведения наших исследований в Беларуси, уже подробно описаны (см. гл. 5-7) . Необходимо отметить также явившееся совершенно неожиданным для нас сопротивление немецких инициатив, занимающихся организацией оздоровления детей, проведению любых научных исследований в этой сфере. Нас радует то, что объем данных не только значителен, но и то, что эти данные, полученные в результате выборочного контроля, являются репрезентативными и достоверными. Следует заметить, что мы, как инициаторы и создатели ФЕДЕРАЛЬНОГО КОМИТЕТА "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ", располагаем банком данных с адресами почти всех базовых инициатив, групп самопомощи, различных организаций и учреждений в Германии, Украине и Беларуси, которые мы почти без исключения охватили нашими исследованиями.

Опросы по *количественному признаку* — всего 1195 — проводились по совместно разработанной методике. Эту методику мы можем предоставить всем желающим в любое время на немецком и русском

языках для продолжения подобных исследований. Этот количественный сбор данных был проведен по аналогичной методике в следующих целевых группах:

- 765 белорусских детей — из них 437 во время их пребывания в Германии, 328 после их возвращения на родину (из них 228 опросов и 100 по методу проективных тестирований),

- 201 семья, принимавшая детей в Германии,

- 229 белорусских семей.

Результаты сбора данных по качественному и количественному признаку дополняются, кроме того, результатами научных исследований, проведенных автором в Беларуси, но еще не опубликованных. С одной стороны — это психосоциологическое исследование, проведенное в 1991 г. и базирующееся на статистических данных опроса 200 учеников в Минске, где уровень радиации ниже. С другой — это психологический анализ рисунков, выполненных детьми из пораженных радиацией районов. Ниже будут представлены данные, на основании которых проводились оценки и делались выводы. При этом обнаружилось, что определенные аспекты при различных постановках вопросов повторялись и освещались в процессе интервью под разными углами зрения.

Опрос Чернобыльских детей (765)

"Я расскажу тебе о себе.. J Чего ты ждешь от своего немецкого друга, если он тебя спросит...?"

Опрос проводился в Климовичах, Краснополье, Наровле, Марьиной Горке, Минске, Лельчицах, Буда-Кошелеве, Речице, Столине, Рогачеве, Гомеле, Добруше, Ветке, Хойниках и Бельчицах.

1 комплекс вопросов:

Знаешь ли ты, почему немецкая семья организовала для тебя отдых?

Из 437 опрошенных белорусских детей 8 процентов не смогли ответить на этот вопрос. Главные аргументы, которые приводили при этом дети, сводились к тому, что они сами мало задумывались над этим и что их родители плохо им это объяснили.

В 85 процентах ответов аспект *здоровья* стоял на первом плане, например, *оздоровление* (42 процента), *отдых* (21 процент), и *временный отдых от сильной радиационной нагрузки* (22 процента). В качестве мотивационных причин немецких "родителей", принимающих у себя детей из пораженных районов, 14 процентов белорусских детей называли также такие аспекты, как *готовность помочь* и *сочувствие*, 14 процентов *сострадание* и *милосердие*, 3 процента считали, что им будет дана *возможность познакомиться с другой страной*.

2 комплекс вопросов:

О чем ты думаешь, когда слышишь слово "Чернобыль"?

Ты вспоминаешь...?

Почти у всех детей слово "Чернобыль" связано с сильными переживаниями, ассоциациями и представлениями о чем-то ужасном.

У 17 процентов детей на первом плане было *страдание*, которое эта катастрофа принесла взрослым и детям. У 11 процентов слово "Чернобыль" ассоциировалось с чем-то *жестоким* или *ужасным*. 7 процентов связывали это понятие с *радиоактивностью*, хотя никто из опрашиваемых детей не мог внятно объяснить, что это такое. Еще 7 процентов представляют Чернобыль как *опустевшие деревни* или *свой покинутый дом с заколоченными окнами*. 9 процентов связывали это понятие с

темным будущим человечества. Один ребенок выразил это так: "Чернобыль — это темное будущее в жизни людей". Для 6 процентов это понятие ассоциировалось с какой-то катастрофой, взрывом, пылевым облаком темно-желтого цвета или с бурей. У 5 процентов перед глазами были дымящие трубы атомной электростанции.

Многие дети пугались слова "Чернобыль". 9 процентов испытывали при этом слове *смертельный ужас* — смерть школьных товарищей, своих родных или знакомых. Один мальчик выразился так: *"Я думаю о моем отце и моих трех братьях, которых убил Чернобыль"*. Другой ребенок рассказал, что некоторые его школьные товарищи находятся в онкологической больнице и что его сердце начинает биться сильнее и чаще, когда он думает о Чернобыле. У очень многих детей с этим словом ассоциируются *физические или душевные муки*: 4 процента видят в Чернобыле *запрет, исходящий от матерей, учителей и врачей, играть на улице, купаться в реке, ходить в лес, собирать грибы и ягоды*. У 5 процентов детей перед глазами вставал образ *больного человека*, которого они знали либо сами, либо узнали о его судьбе из средств массовой информации. 2 процента опрошенных, услышав слово "Чернобыль", испытывали *сильные душевные муки*. Это понятие дети сравнивали также с *ядерной мировой войной*. "Чернобыль" *сузил жизненное пространство детей*. Это слово символизирует нечто *темное, черное*. "Чернобыль" ассоциируется с *эвакуацией, матерями, спасающимися бегством и прижимающими к груди своих детей*. Дети выражали желание, чтобы Чернобыль никогда больше не повторился. Название этого города означало для многих детей то же самое, что "Хиросима". Ответственность за эту катастрофу приравнивалась к ответственности за бесчеловечное преступление, совершенное СТАЛИНСКИМИ палачами в Катыни.

"Чернобыль" ассоциируется со слезами — один ребенок сказал так: "Я вижу старых, одиноких и плачущих женщин, покинутые деревни". Другой ребенок сказал, представляя 6 процентов опрошенных детей: "Я вижу, как моя мама стоит передо мной и как с ее лица при слове "Чернобыль" сходит улыбка". Некоторые дети просто не могли понять, что атомная электростанция продолжает работать. Для некоторых "Чернобыль" означал медленную смерть. Один ребенок сказал: "Когда я слышу это слово, я непроизвольно думаю о том, сколько мне еще осталось, как долго я еще буду жить". Четверо детей признались, что они испытывают чувство отчаяния и что им не хочется жить, когда они вспоминают о "Чернобыле".

3 комплекс вопросов:

Изменилось ли в тебе что-нибудь после этой катастрофы?... например, в твоей личной жизни, в жизни твоих родных, друзей?

6 процентов детей не смогли в достаточной мере отделить свою жизнь от жизни своей семьи.

Почти четвертая часть детей отмечала *ухудшение состояния своего здоровья*. 8 процентов детей жаловались на явные физические недуги - *утомляемость, боль в суставах, отсутствие аппетита, нервозность*, у них была увеличена *щитовидная железа*. Все они прежде всего жаловались на *головную боль*. Немногим меньше было количество детей (23 процента), которые, отвечая на этот вопрос, отмечали *увеличение случаев заболеваний в семье*. 12 процентов детей сообщили, что их *друзья стали более апатичными, пассивными, раздражительными* и что они чаще болеют. Четверо из опрошенных детей были больны *раком щитовидной железы*-, 12 жаловались на *ухудшение зрения*-,

19 отмечали *случаи смерти своих близких*, которые они связывали с Чернобылем. Еще большим было количество детей (9 процентов), которые рассказали о заметном увеличении случаев смерти среди своего окружения. Один ребенок рассказывал: *"У меня умер друг. Ему было 8 лет"*. Другой ребенок: *"В семье двоюродной сестры родился ребенок с пороками развития"*.

Отвечая на этот вопрос, 14 процентов детей жаловались на появление в их повседневной жизни *ограничений: им нельзя ходить в лес, купаться в реке, находиться продолжительное время на открытом воздухе, собирать грибы и ягоды; им нельзя есть пищу, к которой они привыкли*. Один ребенок сказал: *"Нам нельзя есть грибы и ягоды, но если другой еды нет, мы все равно едим их, только варим дольше"*. 9 процентов детей отмечали, отвечая на этот вопрос, *возрастание тревоги за свое будущее и свое здоровье*.

У очень многих детей изменилось личное окружение. После переселения они потеряли *старых друзей* (7 процентов), или после переселения семей, с которыми они поддерживали дружеские отношения, они должны были расстаться с *людьми, которые были им дороги* (11 процентов). 4 процента детей рассказали, что после катастрофы у них появились *новые друзья*.

14 процентов детей назвали в качестве положительных перемен в их жизни *после Чернобыля возможность поехать за границу*.

4 комплекс вопросов:

Как тебе жилось в немецкой семье? Она тебе понравилась или не понравилась? Я хотел бы делать у себя кое-что точно так же.

43 процента детей признались, что *им понравилось в Германии "все"*. Четверть опрошенных отметила прежде всего такие аспекты, как *"чистота", "порядок", "культура", "домашняя обстановка" и "живописная*

природа ". Подавляющим большинством детей пребывание в немецкой семье оценивалось положительно. При этом отмечались следующие аспекты:

— 16 процентам детей понравилась та открытость, с которой члены семьи обращаются друг с другом; как *решаются семейные конфликты, как люди спорят, чтобы по-настоящему ладить.*

— 19 процентов назвали в качестве главного аспекта то, что немецкие "родители" хорошие люди.

— Для 23 процентов детей самым примечательным было *гостеприимство, которое они ощущали в семье. Нежность, тепло, внимание и любовь* испытывали многие дети.

— 13 процентов отметили, что к ним относились как к *собственным детям.*

— Для 16 процентов детей главным аспектом была *хорошая еда.*

— 21 процент детей назвали *большие возможности для разумной организации досуга (парки, плавательные бассейны, игрушки, экскурсии, компьютеры).*

— К другим положительным моментам были *отнесены: большое разнообразие сладостей, готовность помочь со стороны немецкой семьи, богатый выбор товаров в магазинах.*

— 9 детей отметили все-таки *предупредительность немецких ребят.*

Очень многие дети хотели бы иметь такие же условия жизни и в Беларуси:

— 16 процентов — более *высокий уровень благосостояния на своей родине.*

— 8 процентов — *здоровая еда* в достаточном количестве.

— 8 процентов — хотели бы иметь благосостояние, но не обязательно такое, как у немецких детей.

— 7 процентов — хотели бы иметь дома такой же *выбор игрушек и компьютер.*

— 8 процентов — хотели бы, чтобы улицы, дома, сады и школы *были такими же чистыми, красивыми и уютными,* как в Германии.

— Некоторые из опрашиваемых хотели бы, чтобы и в Беларуси *без страха перед радиацией* они могли бы *купаться в открытых водоемах, есть и гулять, иметь дома бассейн и много путешествовать.*

— Некоторые дети хотели бы, *чтобы их мамам было легче вести домашнее хозяйство,* чтобы у них было *больше денег и различных технических приспособлений на кухне,* как они видели это в Германии.

— 6 детей желали для своей семьи *подобные экономические жизненные условия.*

На особенно критический вопрос "что им не понравилось", некоторые дети отвечали так:

— 5 детям не понравилось *рано* вставать во время, *оздоровительного отдыха.*

— 5 детям не понравились *некоторые блюда.*

— 5 детей *не нашли в немецких семьях ровесников.*

— Только двое *тосковали по дому.*

— 1 ребенку не понравилось, *что в Германии курят.*

— 2 детей *чувствовала себя униженными, когда немецкие дети смеялись над ними.*

— детям не понравилось, что в машине *обязательно нужно пристегиваться.*

— детей жаловались на *частый дождь.*

— Только 1 ребенок пожаловался на трудности, связанные с незнанием языка.

— 1 ребенок считал, что белорусские дети *размещены слишком далеко друг от друга.*

— 1 ребенок сказал, что ребенок из семьи, который был старше по возрасту, побил его. !

5 комплекс вопросов

Если бы ты мог загадать три желания, чего бы ты пожелал? Что бы ты хотел еще рассказать?

Ответы детей, которых мы опрашивали в Беларуси, отличались от ответов детей, которых мы интервьюировали во время их пребывания в Германии тем, что в Германии желания были конкретны. У этих детей (7 процентов) преобладали типичные желания: *сладости, компьютер, кассетный магнитофон, животные, например, попугай, мотоцикл, красивая одежда, посещение Диснейленда и много игрушек.*

Главным желанием 68 процентов детей было *повторное приглашение в немецкую семью.* 43 процента желали всем членам семьи, немецким "родителям" и всем людям в мире *счастья и здоровья.* Для 21 процента детей главным желанием было, чтобы *никогда, не было войны,* для 15 процентов — чтобы *никогда больше не повторилась Чернобыльская катастрофа.* Только три ребенка высказались *против строительства новых атомных электростанций.* 10 процентов детей выразили, отвечая на этот вопрос, желание, чтобы *немецкие "родители" приехали к ним с ответным визитом.* Самым большим желанием 17 процентов детей была *стабилизация экономического положения в Беларуси.* Для 11 процентов детей важным было *окончание школы.* 8 процентов детей хотели бы *получить хорошую профессию или закончить высшее учебное заведение.* 9 процентов мечтали о *жизни в экологически чистой среде без радиации.* 6 процентов видели самое главное желание в *приобретении новых друзей и поддержании старых дружеских отношений.* 19 процентов детей очень хотели бы *поехать со своими родителями в Германию,* чтобы они своими глазами смогли увидеть и убедиться в высоком жизненном уровне немцев.

10 детей хотели бы иметь *машину и дом*. Только 14 детей, едва ли 2 процента, хотели бы временно *пожить в Германии* и получить там профессиональное образование. 21 ребенок, почти 3 процента, хотели бы, чтобы в Беларуси было *так же чисто*, как в Германии. Семеро (1 процент) определенно заявили, что они будут усиленно изучать иностранные языки. 4 детей выразили надежду на *восстановление бывшего Советского Союза*, а 2 ребенка хотели бы, чтобы в их стране было *меньше преступности*.

Особо следует выделить высказывания 2 детей: *"Я хочу, чтобы мой отец был жив и находился среди нас"*; *"Я хочу, чтобы люди, которые несут вину за "Чернобыль", были наказаны"*.

В 1991 году в Минске был проведен репрезентативный опрос 228 учеников, посвященный проблеме "Чернобыль".

Тенденции, которые определились по результатам опроса, были в значительной мере конгруэнтны с результатами наших психосоциальных исследований. Два тематических комплекса этого исследования будут дополнительно рассмотрены в последующем изложении: *"Осознание чернобыльской катастрофы"* и *"Заражение продуктов радиоактивными веществами"*.

38 процентов опрошенных учеников показали, что они обсуждали эту проблему со своими родителями часто и очень часто, 24 — процента от случая к случаю, 36 процентов — редко, 2 процента — никогда. Сразу после катастрофы у людей преобладал страх, вызываемый радиоактивным излучением, воздействующий на организм человека извне. Лишь по истечении времени на первый план вышло осознание опасности, которую несет с собой употребление пораженных радиацией продуктов. Недоверие к властям перенеслось на недоверие к качеству продуктов и

наоборот. Эти сомнения о качестве продаваемых продуктов питания подтвердились в 98 процентах опрошенных учеников. В целом люди стали осторожнее в отношении продуктов. Однако хронический недостаток продуктов питания вынуждает людей покупать то, что есть. 49 процентов опрошенных старались не задумываться об этом и покупали все, что было в продаже: *"Мы знаем, что все заражено, но мы все равно покупаем эти продукты; потому что, в конце концов, нужно же что-то есть"*. С другой стороны 83 процента опрошенных категорически отказывались хотя бы временно работать в зараженных районах. Даже выгодные условия (хорошая оплата, снабжение чистыми продуктами, достаточное количество медикаментов, хорошее медицинское обслуживание, возможность получения квартиры, заграничные поездки) отвергались опрашиваемыми по этой же причине. 88 процентов опрошенных подростков жили в постоянном страхе, что Чернобыль представляет угрозу их жизни. Многие считали, что радиация уже причинила вред их здоровью. Желание выехать на Запад было у городской молодежи более сильным, чем у их сверстников из сельской местности. Данное психосоциальное исследование показывает, что проблематика Чернобыля все больше оттесняется на задний план. Так, в 1991 г. 38 процентов населения рассматривали "Чернобыль" как фактор, представляющий угрозу их здоровью. В 1993 г. таких людей оставалось лишь 8 процентов.

Достаточно полное представление о психической нагрузке детей из зараженных районов дает анализ 100 детских рисунков, которые были выполнены в рамках моих исследований, а также исследований психолога ЮЛ. Ольвинской в 1994 г.:

При помощи количественного анализа у всех детей были обнаружены признаки внутреннего беспокойства, которое примерно у одной трети детей было выражено особенно сильно. У 22 детей были отмечены духовная незрелость и умственная неразвитость (инфантилизм), у 20 процентов на рисунках были изображены детали, свидетельствующие о наличии апокалиптических страхов. У 20 процентов детей на рисунках чувствовалось присутствие опасности, что свидетельствует о невротических нарушениях. По рисункам было видно, что поведение детей ориентировано на защиту или отражение опасности. Анализ рисунков подтверждает трудности, связанные с адаптацией к окружающей обстановке. 26 процентов рисунков имели признаки, свидетельствующие о заболеваниях эпилепсией. В этих случаях обязательно необходимо стационарное лечение.

Опрос немецких "родителей" (201) в Германии

При проведении письменного опроса мы обращались к немецким "родителям" следующим образом:

Дорогая семья!

Вы, вероятно, знаете из прессы о высказываниях белорусских политиков: отдых детей в Германии имеет скорее негативные последствия; мы просим Вас поделиться Вашим личным опытом.

1 комплекс вопросов:

Ты (Вы) являешься/есть братом/сестрой (родителем) для Чернобыльского ребенка. Изменилось ли что-то для тебя (Вас)?

Примерно две трети ответили на этот вопрос положительно, около одной трети отрицательно.

24 процента опрошенных немецких "родителей" показали, что после приезда к ним белорусских детей у них появились *сочувствие и интерес к людям в Беларуси и их проблемам*. У 12 процентов появился *интерес к белорусскому народу и его культуре*, 9 процентов имеют *более полное представление о проблемах*, существующих в этой стране и у них *нет больше предубеждений* против белорусов. 3 процента особо подчеркивают установление *личных контактов*. Примерно 20 процентов немецких "родителей" показали, что гости чем-то затронули и их самих. 5 процентов опрошенных считали, что у них возникло *критическое отношение к атомной энергии*. 13 процентов полагали, что они начали *жить более сознательно*, больше задумываться и вообще проявлять по отношению к ближним *больше готовности помочь*. 4 процента считали положительным тот факт, что вся семья *должна была приспособливаться к чужому ребенку*. Для 3 процентов главным желанием после приглашения ребенка стало *изучение русского языка*.

Один из опрошенных заявил со всей определенностью, что после приглашения ребенка к себе на отдых он намерен активно сотрудничать с какой-либо гражданской инициативой, целью которой является оказание помощи этим детям.

2 комплекс вопросов: ^ Почему ты (Вы) принимал (принимали) у себя чернобыльского ребенка?

В 45 процентах случаев главной причиной было то, что организаторы этой акции и те, кто хотел помочь, *знали друг друга лично*, у 13 процентов это были *сочувствие и любовь к ближнему*, для 14 процентов главным было *здоровье детей, подвергшихся радиационному облучению*. 4 процента опрошенных показали, что вместо того, чтобы оказывать программе только

финансовую поддержку, они хотят оказать *активную конкретную помощь*. Для 4 процентов важную роль играла возможность *содействия взаимопониманию между народами* на нижнем уровне. Примерно 6 процентов считали важной причиной, побудившей их принять такое решение, *любопытство по отношению к этим детям*. Другим побудительным фактором было *стремление больше узнать о последствиях катастрофы*, а также *сочувствие людям, нуждающимся в помощи*. 4 процента опрошенных приняли решение о приглашении детей совершенно спонтанно. При этом выяснилось: 10 процентов опрошенных сотрудничали с одной из немецких гражданских инициатив, занимающихся оказанием помощи людям, пострадавшим от Чернобыльской катастрофы. 6 процентов немецких "родителей" не имели детей. 17 процентов имели одного, 45 процентов — двух, 22 процента — трех, 9 процентов — четырех и 1 процент — даже пять собственных детей.

3 комплекс вопросов:

Ожидал ли ты (Вы) чего-то от этого?

На этот вопрос ответили 44 процентов немецких "родителей". Главными аспектами были названы: *дружба* 10 процентов, *понимание жизни и культуры* детей из Беларуси 10 процентов, *оздоровление и отдых* 6 процентов.

4 комплекс вопросов:

Были ли у тебя (Вас) проблемы?

Почти все опрошенные ответили на этот вопрос: 36 процентов дали утвердительный ответ, 60 процентов — отрицательный.

В качестве основной проблемы 22 процента опрошенных назвали *трудности*, связанные с *незнанием иностранного языка*. Другие проблемы встречались относительно редко. Для 2 процентов самой большой проблемой было изменение своего дома у белорусских детей немецкие "родители"

привычного распорядка дня. У 1 процента были трудности, связанные с организацией досуга. *Тоску по* отмечали крайне редко (3 случая). 3 процента опрошенных семей назвали трудности, связанные с тем, что еда для детей была непривычна.

5 комплекс вопросов:

Принесло ли это тебе (Вам) что-то хорошее?

188 немецких семей дали на этот вопрос положительный ответ. 3 семьи отрицательный и 3 семьи воздержались от ответа. При анализе ответов на этот вопрос были выделены следующие аспекты:

— Для 15 процентов главным было *установление новых дружеских отношений*.

— 14 процентов считали для себя важным знакомство с людьми *другого менталитета и другой культуры*.

— Для 7 процентов было важным изменение отношения к *своим собственным проблемам*, а также ставшее *более сознательным и удовлетворенным отношением к своей собственной жизни*.

— Для одного человека было важно убедиться в том, что *детский менталитет и поведение детей во всех странах в принципе одинаковы*.

— Для 4 процентов опрошенных было важным то, что они больше не делали *анонимных пожертвований*, а *оказывали людям конкретную помощь*. У 4 процентов опрошенных появилось желание изучать русский язык.

— 1 процент приобрели, будучи вынужденными общаться с детьми без знания языка, новый жизненный опыт и тем самым обогатили себя.

6 комплекс вопросов:

Что ты (Вы) хотел (и) бы улучшить?

45 процентов опрошенных сделали, отвечая на этот вопрос, конкретные предложения:

— 5 процентов немецких "родителей" высказались за улучшение языковой подготовка беларуских детей.

— Беларуским детям следовало бы объяснить, что в Германия тоже могут существовать проблемы (1%).

— 2 процента указали на то, что беларуским детям нужно совершенно четко объяснить, что они, отправляясь в Германию, не должны ожидать, что там им будут дарить много подарков.

— 6 процентов хотели бы иметь больше информации о детях и их семьях.

— 2 процента полагали, что немецкие "родители" должны быть заблаговременно подготовлены к приезду ребенка.

— Одна семья высказала пожелание, чтобы детей сопровождало больше переводчиков.

— 2 процента родителей считали, что в первую очередь необходимо упростить выдачу виз.

— 3 семьи, которые на 5 вопрос дали однозначно отрицательный ответ, потребовали, чтобы отношение к отбору детей было более серьезным и чтобы при этом учитывались социальные моменты.

7 комплекс вопросов:

Ты (Вы) пригласил(и) бы к себе снова ребенка?

Только три названные последними семейные пары ответили на этот вопрос по причине негативного опыта, оставшегося у них от приглашения детей, отрицательно. Все остальные опрошенные *выразили готовность принимать детей и в будущем.*

8 комплекс вопросов:

Удалось тебе (Вам) найти среди своих друзей желающих пригласить к себе детей?

53 процентам опрошенных удалось *пробудить* у своих друзей, коллег по работе, родных и знакомых *готовность пригласить к себе детей, если такая возможность повторится.*

9 комплекс вопросов:

Хотел (и) бы ты (Вы) посетить в Беларуси семью, из которой ты (Вы) принимал(и) у себя ребенка?

Если да, то что для этого необходимо?

Целых 79 процентов хотели бы посетить *"свою" семью на ее родине*. Только 9 процентов ответили на этот вопрос отрицательно. *Главную проблему* они видели в *трудностях языкового общения*. 4 процента полагали, что во время визита в Беларусь им понадобится переводчик. 2 процента считали, что они должны прежде *выучить русский язык*.

10 комплекс вопросов:

Многие люди говорят о жизни "до" и "после" Чернобыля. Изменилось у тебя (Вас) что-нибудь после приглашения детей в твоей личной жизни, в твоей семье, в школе, на работе, в отношениях с друзьями?

На этот вопрос 81 процент опрошенных ответил положительно. 17 процентов — отрицательно. Типичными положительными ответами были:

— возросший интерес к чернобыльской проблематике — у 15 процентов,

— критическое отношение к атомной энергии — у 7 процентов,

— более высокая готовность помочь — у 7 процентов,

— более осторожное обращение с атомной энергией — у 7 процентов,

— изменение отношения к своим собственным проблемам — у 2 процентов.

— Типичными были следующие отрицательные ответы:

— Осознание проблем атомной энергии существовало всегда.

— Некоторые из опрошенных уже в прошлом работали с детьми.

Опрос семей (229) в Беларуси и Украине

Многие люди говорят сегодня о "до" и "после" Чернобыля. Изменилось ли для Вас что-то...?

Интервью были взяты у 229 членов семей в Беларуси, из которых 78 процентов составляли женщины и 22 процента мужчины. Почти две трети опрошенных были в возрасте от 30 до 40 лет. Остальные были старше.

1 комплекс вопросов:

Многие люди говорят сегодня о "до" и "после" Чернобыля. Изменилось ли у Вас что-то в личной жизни, в семье, школе, на работе, в отношениях с друзьями, в организации жизни и в других сферах?

На этот вопрос ответили почти все. 83 процента полагали, что их жизнь после Чернобыльской катастрофы изменилась. 16 процентов дали на этот вопрос отрицательный ответ. 62 процента из тех опрошенных, которые считали, что их жизнь изменилась, назвали среди главных проблем беспокойство за состояние здоровья своих детей и близких, а также беспокойство за друзей, коллег по работе и знакомых. Приблизительно для одной четверти опрошенных на первом месте был *страх потерять работу*. Немногие смогли даже и в сегодняшней ситуации назвать *положительные моменты*. I

Однозначно преобладали, однако, изменения негативного характера:

- *ухудшение собственного здоровья, а также здоровья членов своей семьи,*
- *смерть близких и коллег по работе,*
- *перемена места жительства, а также переселение,*
- *ликвидация рабочих мест в покинутых местах,*
- *недостаток в рабочих местах на новом месте,*
- *безнадежное экономическое положение Беларуси.*

Почти половина опрошенных выразили *глубокую тревогу* по поводу ситуации на своем рабочем месте и здоровья. Также волнуют проблемы, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни. 10 опрошенных заявили, что они должны непременно поменять место жительства, чтобы выйти из того отчаянного положения, в котором они находятся. Для 5 человек их положение в результате *глубокой депрессии* было безвыходным. Причиной тому было плохое состояние здоровья, смерть одного из супругов, безнадежное материальное положение и глубокое внутреннее беспокойство.

2 комплекс вопросов:

Пытались ли Вы уйти от решения актуальных проблем, возникших в результате Чернобыльской катастрофы?

5 процентов не смогли ответить на этот вопрос. Оставшиеся разделились почти поровну, ответив *да* и *нет*. В качестве причин, препятствующих решению чернобыльских проблем, были названы следующие: *недостаток продуктов питания не дает при их выборе возможности следить за тем, чтобы продукты не были поражены радиацией*. Кроме того, недостаток денег ведет к *неправильному питанию* и, как следствие, к *болезням, вызываемым первоначально не радиацией, а другими причинами*.

Вторая половина опрошенных указала на то, что *хотя существует много серьезных экономических проблем, последствия Чернобыльской катастрофы продолжают оставаться актуальными*. Для большинства этих людей Чернобыль *по-прежнему представляет явную угрозу*.

3 комплекс вопросов:

Каждый человек преодолевает подобную ситуацию по-своему; как реагируете на такую ситуацию Вы?

Я остался таким же, каким был; я стал более нетерпеливым, агрессивным; я стал более уравновешенным, у меня повысилось чувство ответственности; Я стал больше ощущать безысходность, стал более малодушным; или все эти проблемы меня не волнуют?

19 процентов считали, что их образ жизни не изменился, 41 процент признались, что стали более *нетерпеливыми* или *агрессивными*. 38 процентов показали, что их очень *беспокоит здоровье их детей*. Эта озабоченность сделала их более уравновешенными и повысила их чувство ответственности. 22 процента охарактеризовали свое *положение как абсолютно безнадежное*. Только 3 процента показали, что, несмотря на проблему *Чернобыля* они могут спокойно жить дальше.

4 комплекс вопросов:

Есть ли проблемы, которые Вас сегодня особенно волнуют; чего вы боитесь? Есть ли надежда, в которую Вы можете верить? Есть ли что-нибудь такое, чему Вы можете радоваться?

При ответе на этот вопрос однозначно преобладали негативные аспекты:

— 44 процента опрошенных испытывали *чувство страха перед своими собственными болезнями*, особенно они опасались *ухудшения состояния здоровья своих детей*.

— 20 процентов вообще *не видели выхода из своего положения*, особенно если это касалось будущего их детей.

— 15 процентов боялись, что *радиоактивность окажет негативное воздействие на климат и отравит пищевые продукты*.

— 5 процентов выразили *беспокойство*, что *экономическая ситуация* может и далее ухудшаться.

— 3 процента допускают, что *катастрофа может повториться*.

— Некоторые высказывали опасение, что они могут *потерять работу*. Может начаться *новая война*. Некоторые из опрошенных боялись, что они *не переживут это тяжелое время*.

— Только 4 процента утверждали, что они не испытывают страха.

— На вопрос, есть ли у них, людей, попавших в беду, вообще хоть какая-то надежда, 26 процентов не ответили. Остальные разделились поровну, отвечая на этот вопрос утвердительно или отрицательно.

— Среди тех, кто надеялся на помощь, эта надежда выражалась следующим образом:

— 21 процент возлагал надежду на помощь Бога.

— 8 процентов надеялись, что они смогут решить свои проблемы сами.

— 8 процентов оставшихся выражали надежду на помощь из-за границы.

5 комплекс вопросов:

Вы в достаточной степени информированы со стороны государства, научных учреждений о размерах катастрофы; отсутствуют ли компетентные информационные структуры?

Подавляющее большинство (76) процентов заявили, что они *недостаточно информированы о последствиях катастрофы*. Только 16 процентов ответили на этот вопрос положительно. Состояние, в котором находится *разъяснительная работа, находит свое выражение в образовательном уровне опрошенных*. Дифференцированные ответы на этот вопрос смогли дать врачи, ветеринары, специалисты сельского хозяйства, медсестры, инженеры, библиотекари и т.д. 11 процентов были вообще не в состоянии ответить на этот вопрос. Ответственность за плохую разъяснительную работу 15 процентов возлагали на государственные органы. 2 процента обвиняли компетентных ученых. 11 процентов допускали даже, что ученые располагали

информацией в достаточном объеме, но им не разрешалось доносить эту информацию до сведения общественности. 4 процента указывали на неудовлетворительную работу информационных структур.

6 комплекс вопросов:

Вы получали помощь в это время? Что помогло Вам больше всего: сплоченность Вашей семьи, отношения с друзьями и коллегами по работе, помощь со стороны Вашего государства, церкви, гражданских инициатив или помощь иностранных государственных структур, церковей или гражданских инициатив?

Точная количественная обработка ответов на эти вопросы была крайне трудной. Это объясняется недостаточной осведомленностью пострадавших семей и детей. Большинство опрошенных точно не знали, откуда поступала помощь. *До тех пор, пока люди не ощущали себя серьезно пострадавшими, т.е. пока они не обращались к врачу, большинство из них не интересовалось, из каких источников поступает гуманитарная помощь.*

44 процента опрошенных *Чернобыльской катастрофы*: 68 процентов из них — от своего государства, 6 процентов — от белорусской церкви и 26 процентов от *различных местных гражданских инициатив.*

28 процентов показали, что они получили помощь от *иностранных государственных структур*, 19 процентов — от *церквей из-за границы* и 65 процентов — от *различных иностранных гражданских инициатив.*

Сплоченность своей собственной семьи была для 21 процента той важной предпосылкой, которая помогла им справиться с фатальными условиями жизни. Около 6 процентов опрошенных показали, что их *поддержали друзья и товарищи по работе.*

56 процентов заявили, что помощи они *ни от кого не получали*.

7 комплекс вопросов:

Вы собираетесь переселяться? Стоит ли этот вопрос у Вас на первом месте? По каким причинам Вы готовы переселиться: из-за неудовлетворительного медицинского обслуживания; в результате ситуации, сложившейся в Вашем населенном пункте, работе; связано это с получением образования; зависит ли это решение от Вашего нежелания расстаться с друзьями и соседями или существуют другие причины? Считаете ли Вы, что сами сможете облегчить свое переселение? Ждете ли Вы чего-нибудь от соседей или друзей, от государственных организаций или гражданских инициатив своей страны или от государственных и религиозных структур, а также гражданских инициатив из-за рубежа?

Для 52 процентов опрошенных этот вопрос был не актуальным; 2 процента не смогли на него ответить. Для остальных 46 процентов вопрос был очень актуален; у 25 процентов он стоял на первом месте.

При анализе ответов тех, кто готов был к *"переселению"*, мы выделили следующие аспекты:

- медицинское обслуживание — 45 процентов,
- жилье — 61 процент,
- работа — 56 процент,
- получение образования — 33 процента,
- соседи и круг друзей — 35 процентов.

Хотя для некоторых тема *"переселения"* не была актуальной, они тем не менее подробно высказались по этому вопросу.

Вопрос: *Считаете ли Вы, что сами сможете обеспечить свое переселение?* остался у большинства без ответа, так как они не поняли его смысл однозначно. 69 процентов опрошенных считают,

что они сами не могут предпринять что-либо для переселения. Лишь 5 процентов считают, что они в состоянии предпринять что-либо сами или при помощи опыта и совета друзей.

В аспекте вопроса, *от кого люди, попавшие в беду, могли бы получить помощь?* были получены следующие результаты:

— 52 процента опрошенных ничего ни от кого больше не ждут.

— 30 процентов связывают свои надежды с соседями и друзьями.

— 18 процентов на этот комплекс вопросов ответа не дали.

В качестве *возможных источников помощи* в своей собственной стране были:

— для 19 процентов собственное государство,

— для 5 процентов собственные религиозные организации,

— для 8 процентов собственные гражданские инициативы.

Ответы тех, которые ждут *помощи из-за границы*, распределились так:

— 15 процентов — от иностранных государств,

— 13 процентов — от религиозных организаций,

— 27 процентов — от зарубежных гражданских инициатив. На первом месте у этих людей были следующие желания: получение *материальной помощи*, более частые поездки детей за границу и лечение за рубежом. С белорусской стороны люди ожидали *улучшения медицинского обслуживания*, большей помощи при переселении, *финансовой поддержки*, *облегчения в виде снижения налогов и улучшения снабжения экологически чистыми продуктами питания*.

8 комплекс вопросов:

Отдыхал ли уже кто-либо из членов Вашей семьи за границей? Были ли связанные с этой поездкой

проблемы — до, после или во время поездки? Что хорошего дала поездка за границу Вам, Вашей семье, Вашим друзьям или знакомым?

— 86 процентов опрошенных родителей имели детей, которые уже побывали в Германии.

— Кроме Германии назывались такие страны как Италия, Бельгия, Австрия, Чехия, Болгария, Голландия и Швейцария.

— 22 процента показали, что для них поездка за границу была связана с трудностями.

— Для 17 процентов трудности были связаны главным образом с началом поездки.

— Для 14 процентов родителей основные проблемы состояли в том, что из-за недостатка денег им было трудно доставить детей к месту сбора, которое находилось в пределах Беларуси.

— 10 процентов родителей показали, что у них были трудности, связанные с оформлением документов.

— 4 процента жаловались на недостаточное количество мест, предлагаемых для заграничных поездок.

Опрошенные родители называли *лишь некоторые проблемы*, которые возникали во время оздоровительного отдыха непосредственно за границей:

— В одном случае некоторые родители отметили, что во время оздоровительного отдыха за границей *болезни*, которыми болели их дети, *продолжали прогрессировать*.

— В другом случае имели место проблемы, связанные с *языковым барьером*.

— У 4 процентов были трудности, связанные с *доставкой возвратившихся' из-за границы детей из Минска в отдаленные районы*.

— 5 родителей указали на то, что детям *очень трудно снова привыкать к катастрофическим условиям жизни в Беларуси*.

— Одна мать сказала, что она с трудом смогла

объяснить ребенку, почему уровень благосостояния в обеих странах настолько различен.

— Только одна мать столкнулась с проблемой, которая состояла в том, что ее ребенок хотел снова, вернуться в Германию.

Более 90 процентов опрошенных считали, что результаты поездки их детей за границу были полностью положительными. Только 1 процент считал, что эта акция не дала их детям ничего хорошего. Среди положительных аспектов назывались следующие:

— Примерно три четверти опрошенных поставили на первое место отдых и оздоровление, а также медицинское обслуживание в Германии.

— Более 50 процентов родителей отмечали улучшение состояния здоровья своих детей после отдыха за границей.

— 7 процентов полагали, что поездка их детей за границу улучшила материальное положение в семье.

— 40 процентов называли в качестве положительного момента то, что их дети приобрели новых друзей, познакомились с чужой страной и обогатились новыми впечатлениями.

9 комплекс вопросов:

Как Вы оцениваете поездки детей за границу? Они приносят вред; оказывают большую помощь; нужно поощрять заграничные проекты и проекты в своей стране? Должна ли помощь быть нацелена только на развитие проектов в собственной стране? Какие предложения по улучшению проекта Вы можете внести ?

Только 1 процент опрошенных оценил поездки детей за границу как вредные. Критиковалось в частности то, что поездки детей за границу прерывают учебу в школе, если они совершаются в течение учебного года. Один опрошенный указал на то, что у тех, кто не был за границей, может появиться чувство зависти к

тем, кто там побывал. В противоположность этому 96 процентов *признались*, что поездка за границу оказала им *большую помощь*. На вопрос, должны ли существовать такие *проекты и за границей и в собственной стране*, более двух третей опрошенных ответили *да*, только 2 процента — *нет*. Остальные опрошенные на вопрос, *нужно ли, по их мнению, в первую очередь создавать проекты в своей собственной стране*, от ответа воздержались. На вопрос, *нужно ли развивать оздоровительные мероприятия только в своей собственной стране*, подавляющее большинство опрошенных (более двух третей) *ответили отрицательно*, только 10 процентов приветствовали создание таких проектов исключительно в своей стране.

Хотя *отрицательное отношение* к оздоровительным поездкам детей за границу было высказано лишь небольшим количеством опрошенных, следует тем не менее упомянуть *критические замечания*, тем более, что они не были полностью направлены против *этой формы оздоровительных мероприятий*, а скорее *против формы их реализации*:

— Помощь распределялась по субъективному принципу.

— Оказываемая помощь, якобы, шла не по назначению.

Только 18 процентов сделали конкретные предложения по улучшению реализации оздоровительных программ:

— Дети должны *чаще выезжать на отдых за границу* — 6 процентов.

— Они должны *регулярно* получать эту возможность - 1 процент.

— *Бюрократические препятствия* на пути реализации оздоровительных программ должны быть *устранены* — 6 процентов.

— Было высказано пожелание сделать пребывание за

границей *более продолжительным* -2 процента.

— Только 0,5 процента высказались за *улучшение организации* всего процесса отправки детей за границу.

— 2 процента надеялись на *улучшение транспортных возможностей* -например, отправка самолетами или комфортабельными автобусами.

— 5 процентов выразили пожелание, чтобы приглашения поступали через школы.

10 комплекс вопросов:

Хотели бы Вы пригласить немецких "родителей" к себе домой? Могли бы немецкие "родители" жить в Вашем доме; нужна ли Вам при этом помощь? Была бы встреча в другом месте более удобной для Вас?

Ответы на вопросы, касающиеся *ответного приглашения* немецких "родителей" в Беларусь, были на удивление *единодушными*:

— 98 процентов *охотно пригласили бы немецких "родителей" к себе домой*.

— 6 процентов охотно послали бы приглашение, однако они не могут этого сделать по причине *стесненных жилищных условий* или в силу *других обстоятельств*.

— Из тех, кто ответил на этот вопрос положительно, 96 процентов выразили желание пригласить *немецких "родителей" непосредственно в свою семью*.

— 31 процент нуждается ввиду *тяжелого финансового положения* в получении помощи, необходимой для приема немецких "родителей".

— 96 процентов высказались *однозначно против* того, чтобы встреча состоялась в другом месте.

11 комплекс вопросов:

Болеет ли кто-либо из членов Вашей семьи часто или был болен в течение продолжительного времени? Какую врачебную или медикаментозную помощь Вы можете получить, какие другие

возможности для лечения есть у Вас? Отсутствует ли необходимая для проведения Вашего медицинского лечения материальная, психологическая и духовная помощь?

Только одна треть опрошенных не имела необходимости в получении медицинской помощи. *65 процентов людей* показали, что в их семьях один или несколько человек *болели продолжительное время*.

— 65 процентов опрошенных *высказались критически в адрес существующей системы здравоохранения*.

— 59 процентов жаловались на *недостаток самых необходимых лекарств*.

— 16 процентов видели главную проблему медицинского обслуживания в *ограниченных возможностях местного здравоохранения*.

— 33 процента нуждаются в средствах, необходимых для лечения.

— 35 процентов высказались за улучшение работы службы психологической помощи.

— 21 процент желают, кроме *того, духовной помощи со стороны религиозных организаций*.

Некоторые из опрошенных высказались критически в отношении *возможностей диагностики болезней в Беларуси, а также отсутствие соответствующей профессиональной подготовки у врачей*, необходимой для лечения болезней, вызываемых радиацией.

12 комплекс вопросов:

Какое значение приобрела для Вас вера в Бога? Как Вы воспринимаете эту веру, какие другие ценности имеют для Вас значение?

На этот вопрос ответил только 31 человек (15 процентов), что легко объяснимо с исторической точки зрения. Из этих людей почти половина — 15 человек, — (43 процента) показали, что вера в Бога стала играть в их жизни очень большую роль, в то время как 8 опрошенных (23 процента) отрицали

значение веры. Многие вообще не смогли ответить на этот вопрос.

— 6 процентов всех опрошенных *регулярно читают Библию и посещают церковь*.

— 5 процентов полагают, что *вера в Бога дает им силу и надежду*.

— 4 процента считают себя верующими людьми.

— 1 процент полагал, что для них очень важно *выполнять заповеди Бога*.

— 1 процент показал, что они *верят в нечто, в силу, которую невозможно*

точно определить, но которая существует во всем мире. На вопрос об идеалах и принципах, которыми они руководствуются в своей жизни, опрошенные назвали такие аспекты, как *"человечность", "уважительное отношение к старости", "вера в добро", "сплоченность семьи", "чистота окружающей среды" и "мир на земле"*.

13 комплекс вопросов:

Можете ли Вы сделать что-либо для улучшения жизни Вашей семьи или жизни близких Вам людей⁹

Можете Вы это сделать сами или вместе с другими? Что является для Вас при этом важным?

У Вас уже была возможность начать эту работу; что Вы хотели бы делать в будущем?

Только 12 процентов считали, что они в настоящее время могут своими силами улучшить *свое положение или положение своей семьи*. Три четверти опрошенных полагали тем не менее, что они могут реализовать эту цель *своими силами*. 41 процент считал, что они смогут выйти из бедственного положения только благодаря помощи и поддержке людей из своего ближайшего окружения. 39 процентов высказали мнение, что помощь других не сможет положительно повлиять на их ситуацию. В ответах на вопрос, касающийся *конкретных возможностей решения проблем*, были названы следующие аспекты:

— взаимопомощь, 9 процентов;

- работать более целеустремленно и лучше, 4 процента;
- улучшение финансового и материального положения, 9 процентов;
- улучшение медицинского обслуживания, в особенности детей, 4 процента;
- активное участие в работе одной из гражданских инициатив, 2 процента;
- убеждение людей в необходимости более глубокой веры в Бога, 1 процент;
- активно участвовать в жизни и развивать инициативу, 1 процент.

В ответах на вопрос, *что бы Вы хотели делать в будущем*, были высказаны следующие желания:

- иметь возможность спокойно жить *и найти хорошую работу*, 24 процента;
- найти работу, позволяющую обеспечить себя и свою семью, 7 процентов;
- лучшие виды на будущее своих детей, 11 процентов;
- переселение в чистые районы, 3 процента;
- внесение личного вклада в улучшение экономического положения страны, 3 процента;
- дожить до глубокой старости, 1 процент;
- однажды побывать в Германии, 2 процента;
- иметь возможность доносить до сознания детей и взрослых веру в Бога и слово Божье, 1 процент;
- вообще реализовать много планов, 1 процент.

14 комплекс вопросов:

Если бы у Вас была возможность загадать три желания, что бы Вы себе пожелали?

В ответах на этот вопрос были высказаны, в частности, следующие желания:

- чтобы дети и все люди были *здоровы*, 68 процентов;
- чтобы *не было войны* в собственной стране, нигде в мире и чтобы

- все конфликты разрешались мирным путем, 42 процента;
- чтобы *экономическое положение* в собственной стране *стабилизировалось*, 23 процента;
- материальное благосостояние, 18 процентов;
- *побывать в других странах*, 26 процентов;
- стремление к *личному счастью*, 21 процент;
- *улучшение жилищных условий*, 8 процентов;
- устранение последствий Чернобыльской катастрофы, 5 процентов;
- чтобы Чернобыльская катастрофа никогда больше не повторилась,
- 8 процентов;
- чтобы было больше взаимопонимания между людьми и больше человечности в отношениях между ними, 6 процентов;
- укрепление *дружеских отношений между странами и народами*, 9 процентов;
- чтобы в семье было больше покоя и уравновешенности, 4 процента;
- снова примириться с Богом и выполнять заповеди Бога, 2 процента;
- снова объединиться с Россией, только 1 процент;
- улучшение медицинского обслуживания, как ни странно только 2 процента;
- желание стать *духовно богаче*, 2 процента.

Сотрудники минского фонда "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ" дополнительно опросили 50 белорусских граждан, используя приведенные выше комплексы вопросов и отдельно обработали полученные ответы (результаты были учтены при подведении итогов).

Высказывания этой группы людей органично вписались в общий спектр выраженных мнений. Среди лиц, образующих эту обособленную группу, находилось большое количество белорусских граждан, сотрудничающих с чернобыльскими гражданскими

инициативами. По некоторым пунктам результаты опроса выделяются на общем фоне полученных ответов:

— Более 90 процентов респондентов отрицали, ссылаясь на свой собственный опыт, получение действенной помощи со стороны государства. Большинство опрошенных подчеркивало, что помощь поступает, главным образом, от гражданских инициатив, находящихся как в самой Беларуси, так и за рубежом, а также от церковных инициативных групп. Этот результат соответствует в полной мере — и это следует подчеркнуть особо, реальному положению вещей. Даже по оценке официальных представителей компетентных белорусских структур объем помощи, поступающей от частных лиц, во много раз превышает пожертвования со стороны государственных организаций. Особенно это касается Германии.

— Если учесть, что люди испытывают двойную нагрузку, экономическую и экологическую, то можно объяснить причины, вызвавшие изменение *внутреннего состояния* людей: *повышенную нервозность, нетерпение, агрессивность, страх, чувство изолированности, переориентацию основных интересов на "борьбу за выживание"*. Многие подчеркивали, что в своих действиях и поступках они после Чернобыльской катастрофы руководствуются *чувством повышенной ответственности за своих детей*. Лишь немногие из этой интервьюируемой группы признались, что для их состояния характерно *безразличие или отстраненное чувство привыкания*.

— Многие из опрошенных выразили *предубеждение по отношению к различным государственным структурам*: население не было дополнительно проинформировано об истинных размерах катастрофы. В течение долгого времени *правда о возможных последствиях радиоактивного облучения держалась в тайне*. Тысячи людей были брошены на

произвол судьбы при полной безответственности властей. Государство попыталось откупиться небольшими "гробовыми деньгами", чтобы удержать население в загрязненных районах.

Гуманитарная помощь, поступающая из стран Западной Европы, была почти единственным, что несколько облегчало положение людей. Все опрошенные связывали большие надежды с оздоровлением своих детей в экологически чистых районах за границей. Опыт показывает, что эффективность детского отдыха за рубежом, очень высока: экологически чистое питание, психологическая разрядка, повышение культурного уровням многое другое.

Улучшается эмоциональное состояние детей. Они возвращаются домой в хорошем настроении и это настроение сохраняется у них долгое время и, как многие утверждают, передается всей семье.

На примере поведения немецких детей в их семьях и школах беларуские дети учатся жить в условиях демократии.

9. Итоги и перспективы психосоциального исследования

"Когда я вырасту, мы все сделаем наоборот, тогда к нам будут приезжать немецкие семьи."

Ниже я еще раз изложу в сжатом виде результаты собранной информации. Нет ничего удивительного в том, что в основном эти результаты совпадают с выводами, которые были сделаны после проведения количественного опроса.

Если большинство белорусских детей не может связать с понятием "радиоактивность" никаких конкретных представлений, то в "Чернобыле" они видят *серьезную угрозу своей жизни*. У детей и родителей с понятием "Чернобыль" ассоциируется что-то *очень черное* — нечто почти апокалиптическое, — *ведь это слово означает "черная полынь"*. Примечательно, что многие белорусские дети сравнивают Чернобыльскую катастрофу с атомной бомбардировкой Хиросимы. Многие дети связывают увеличение количества заболеваний и смертельных случаев в своем ближайшем окружении с этой атомной катастрофой.

Качество оздоровительного отдыха в Германии оценивается очень высоко. Особенно дети отмечают *любственное отношение к ним немецких "родителей; незнакомые, открытые и наполненные "дискуссиями" отношения в семье, чтобы по-настоящему ладить друг с другом*. Они вспоминают *обильную и полноценную еду, красивое окружение, которое создают природа и города Германии и, прежде всего,*

новых друзей и человеческие контакты. Такие проблемы как "детские ссоры", "непривычная еда", "тоска по дому" или "языковые барьеры" почти не упоминаются. *Нет совершенно никаких фактов, указывающих на то, что дети во время пребывания на Западе переживают "культурный шок".* Мнимая теория так называемого "культурного шока" оказывается *полностью несостоятельной, скорее это нечто кем-то желаемое, не более, чем продукт чьей-то фантазии.* Несмотря на весь блеск, в котором предстает перед детьми Запад, лишь немногие из них мечтают о том, чтобы остаться там жить. Напротив, они выражают *совершенно определенное желание жить в более скромных условиях вместе с друзьями и родителями в своей собственной стране и создавать там все предпосылки для жизни в человеческих условиях.* Почти у всех детей на первом месте стоит желание поддерживать контакты со своими немецкими "родителями" и иметь когда-либо возможность пригласить их к себе в Беларусь.

Большинство немецких "родителей" накопило в высшей степени положительный опыт, принимая у себя Чернобыльских детей. Их участие в этой оздоровительной программе стало возможным благодаря общению с друзьями и знакомыми. Главной побудительной причиной при этом было желание внести активный, а не пассивный вклад в гуманитарную помощь. Только трое из более чем двухсот опрошенных немецких "родителей" высказали критические замечания относительно критериев отбора детей. Большая часть немецких семей выразила, опираясь на накопленный положительный опыт, готовность принимать Чернобыльских детей и в будущем. Дети Чернобыля пробудили у них интерес к людям и культуре Беларуси и Украины и они открыли этим детям свои сердца. Многие выразили желание посетить эти страны и их людей. Некоторые даже хотят для этого заняться изучением русского языка.

Радует, что многие это уже начали.

Общее впечатление, складывающееся из высказываний родителей Чернобыльских детей, определяется тем безнадежным положением, в котором находятся в Беларуси люди, попавшие в беду: *катастрофические экономические условия, увеличение заболеваемости в семьях, угроза здоровью в результате употребления зараженных радиацией пищевых продуктов*. Главной проблемой беларусы считают господствующее всюду плохое питание. "Чернобыль" угнетает почти всех; он, как злой дух, сеет повсюду страх и ужас. "Чернобыль" ассоциируется с понятием "война" или "новая атомная катастрофа".

Многие жаловались на недостатки в информационной политике. Примечательно, что только 15 процентов опрошенных возлагают вину за бедственное положение в стране на государственные органы. Глубоким разочарованием проникнуты высказывания людей относительно перспектив в области экономики, прежде всего по причине высокого уровня безработицы. Только очень немногие полагаются при этом на свои собственные силы. Сейчас как никогда нужна взаимопомощь и сплоченность как в семье, так и среди друзей и знакомых. Большая часть опрошенных видит в государственных органах единственную силу, способную улучшить существующее экономическое положение.

Репрессии против церкви, продолжавшиеся более 70 лет, привели к тому, что сегодня лишь немногие могут найти утешение и опору в твердых религиозных убеждениях. Несмотря на все материальные и финансовые проблемы забота о здоровье детей стоит у людей однозначно на первом месте.

Единственная помощь для 96 процентов опрошенных беларуских родителей — это оздоровительные поездки детей за границу. Только 1 процент опрошенных

оценивает оздоровительный отдых детей за границей негативно, утверждая, что при этом нарушается учебный процесс в школе. Лишь одна мать из примерно 500 опрошенных отметила, что ее ребенок после пребывания в Германии испытал чувство тоски по своей немецкой "семье". Такие явления, как нарушение детской психики в результате пережитого "культурного шока" не отмечались.

Беларуские и украинские родители были единодушны, положительно оценивая отдых своих детей в Германии. При этом они называли следующие причины:

— Состояние здоровья детей после пребывания за границей заметно улучшалось. Кроме этого устойчивой становилась их психика.

— У многих детей укрепилась сила воли. У них возникло желание учиться, чтобы когда-нибудь самим внести вклад в улучшение существующих дома условий жизни.

— Во время пребывания за границей почти все дети без исключения получали все необходимое, в том числе медицинскую помощь.

— Повсюду устанавливались добрые человеческие контакты. Встречи детей с людьми в Германии способствовали наведению прочных мостов мира.

Стремление к таким человеческим контактам преобладало и в высказываниях беларуских родителей. Это стремление всегда доминировало над другими потребностями и нуждами, такими, как например, конкретная материальная, гуманитарная или медицинская помощь. Почти все без исключения родители Чернобыльских детей стремились к установлению тесных контактов с немецкими "родителями", все они хотели принимать их у себя в Беларуси, причем встречи ни в коем случае не должны происходить в каком-либо анонимном месте. Некоторые для этого, однако, нуждались в финансовой помощи. Ряд семей не могут осуществить

это намерение из-за стесненных жилищных условий. Как я сама могла убедиться, в подобных случаях часто помогает солидарность соседей. Что же касается гостеприимства, которое мы испытали, то описать его сухим анкетным языком просто невозможно.

Примечательно, что многие беларусы, за исключением родителей, которые сотрудничают с гражданскими инициативами, точно не знают, от кого конкретно поступает к ним из-за границы помощь. Инициативы, существующие на базе церкви или других благотворительных организаций, отождествляются в соответствии со статусом этих учреждений в собственной стране с одной из зарубежных государственных структур, оказывающих гуманитарную помощь. Если рассматривать все действия, направленные на оказание помощи детям Чернобыля, то сразу обращает на себя внимание огромная работа, которую проводят в этом плане беларуские инициативы. Одной только негосударственной гражданской инициативой "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ" в Минске в течение всего лишь пяти лет было отправлено на оздоровительный отдых в Германию 70 тыс. Чернобыльских детей. В Германии размеры помощи, которая поступает для Чернобыльских детей от частных лиц через базовые инициативы, намного превышает помощь со стороны государства. Только для размещения, организации отдыха и медицинского обслуживания этих 70 тыс. детей сочувствующими согражданами в старых и новых федеральных землях Германии была собрана *на общественных началах* невообразимая сумма в 70 млн. марок. Информировав наших беларуских партнеров об истинном положении вещей, мы меньше всего преследуем цель показать им "настоящих жертвователей", скорее это должно быть свидетельством того, насколько широко, часто в ущерб себе, участвуют в этом движении граждане Германии и какую силу могут представить собой инициативы, охватывающие огромное количество

людей. Более двух третей опрошенных белорусских родителей выступают за развитие оздоровительных мероприятий как в своей собственной стране, так и за границей. Только 10 процентов опрошенных белорусских родителей считают, что было бы больше пользы, если бы пожертвованные деньги в полном объеме расходовались в Беларуси. По этому поводу я должна заметить, что дети Чернобыля, будучи "посланцами своей страны", *открыли у нас в Германии не только наши сердца, но и наши кошельки*. Без этой материальной поддержки создание в Беларуси эффективной и в высшей степени рациональной сети оздоровительных учреждений невозможно, даже если предположить, что немецкие фонды по оказанию помощи, которые существуют на базе государственных структур и головных организаций, объединяющих благотворительные инициативы, примут в реализации такой программы самое активное и заинтересованное участие. Для граждан Беларуси оздоровительные мероприятия для их детей, а также "наведение мостов" между людьми обеих стран однозначно стоят на первом месте.

Немецкие инициативные группы должны оказывать своим белорусским партнерам помощь в решении и ряда других проблем. Проведенный опрос показывает со всей очевидностью, в каких сферах мы должны действовать прежде всего:

— Белорусские родители часто находятся в таком затруднительном финансовом положении, что они едва ли в состоянии оплатить проезд своих детей в пределах своей страны.

— Бюрократическая, в прошлом часто даже "каверзная" система оформления проездных документов и выдачи виз требует от белорусских партнеров слишком много времени и лишних усилий.

Немецкие инициативные группы должны постоянно обмениваться опытом, согласовывать друг с другом свои действия, а также оказывать своим белорусским

партнерам деловую и финансовую помощь. Преследование узких интересов, разногласия, ссоры здесь неуместны. В этой связи следует заметить, что для решения проблем подобного рода мы проявили инициативу создания федерального комитета "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ"

Результаты предлагаемого социально-психологического исследования однозначно свидетельствуют о том, что дети Чернобыля, будучи "посланцами своей страны" в Германии, привели в движение многие процессы и у себя дома. *"Безмолвную революцию детей Чернобыля"* остановить нельзя.

10. Рекомендации по преодолению кризиса, вызванного чернобыльской катастрофой

"... и все же сегодня я посадил бы свою яблоньку!"

Когда сегодня люди из Западной Европы посещают районы Беларуси и Украины, пострадавшие в результате чернобыльской катастрофы, они иногда вспоминают слова, приписываемые МАРТИНУ ЛЮТЕРУ. *"... и даже если бы я знал, что мир завтра погибнет, то я все равно сегодня посадил бы свою яблоньку!"*

Тот, кто перед лицом безысходности и отчаяния, в условиях, казалось бы, безвыходной ситуации не опускает рук, должен проникнуться чувством ответственности в духе западных христианских традиций. Только действенная помощь может помочь людям, попавшим в беду, выйти из изоляции, в которой они все больше оказываются. Участие, которое чувству уныния и отчаяния противопоставляет *"и все же"*, может дать пострадавшим людям, даже неизлечимо больным, новые силы.

Этот вывод подтверждает, что с *"психосоциальным преодолением кризиса"* следует начать сразу, а не после того, когда уже удовлетворены основные потребности первой и второй ступеней по "пирамиде потребностей" МАСЛОВА - *"безопасность защищенность, питание и жилье"*. Люди живут сегодня, а не завтра или послезавтра. Они не могут ждать преодоления бедственного

* Шухардт, Эрика:

Почему именно я...! Учиться жить в условиях кризиса, 11-е дополненное и исправленное издание, Гёттинген, 2002 г.; Книга переведена на многие языки, награждена литературной премией.

положения, чтобы лишь потом, на пятой или шестой ступени пирамиды потребностей МАСЛОВА заняться ¹¹¹ *самонахождением* и *самостановлением*. Поэтому для предотвращения угрозы умственного, духовного и физического разрушения следует уже сейчас, в этой несовершенной ситуации, обратить внимание на подходы к *преодолению психосоциального кризиса*. Его постепенная, как можно ранняя, интеграция в управлении катастрофой оправдана тем, что физическая и духовная стороны пострадавшего всегда образуют одно неделимое целое. Иными словами: *психосоциальное преодоление кризиса* становится необходимым условием для духовного здоровья. Еще более необходимо это и потому, что анализ накопленной в банке данных ООНовской библиотеки в Вене литературы на немецком, английском и русском языках к тематическому комплексу "Чернобыль" однозначно подтверждает дефицит в области психосоциальных исследований. В период с 1986 по 1995 год подобная литература составляла едва ли 2 процента всех публикаций.

Перемены, которые произошли в бывшем Советском Союзе после событий 1989 года, привели к тому, что новые люди, оказавшиеся у власти, провели первые последовательные реформы. Так, в Беларуси и Украине люди добились принятия Закона о компенсации ущерба, наступившего в результате чернобыльской аварии, которые, однако, ввиду финансового банкротства государства едва ли смогут быть выполнены де-факто в течение обозримого будущего. Органы государственной власти признают этот факт публично. Поэтому мировая общественность еще убедительней призывается обострить свое сознание и сделать все возможное для того, чтобы дать населению, пострадавшим людям необходимую помощь и воодушевление, чтобы, несмотря на кажущуюся безнадежность, выстоять эту

промежуточную фазу и решиться на новое политическое, экономическое и человеческое начало. В этой переходной ситуации гуманитарную помощь, вне всякого сомнения, следует предоставлять, хоть в принципе и она должна подчиняться премиссе:

*"Дайте людям удочку, а не только рыбу"*⁹

В настоящее время гуманитарная помощь необходима просто для того, чтобы выжить, чтобы из нее развилась "помощь к самопомощи".

Рекомендации для целенаправленной "помощи к самопомощи" охватывают три формы действий:

- Создать возможность для встреч
- Разработать предложения по учебным мероприятиям
- Организовать сопровождение больных

с той целью, чтобы пострадавшие научились жить с Чернобыльским кризисом.

Ниже будут рассмотрены уже существующие, а также требующие скорейшего решения проекты встреч, образовательных программ и сопровождения больных. При этом автор выражает надежду, что каждый читатель - будь то частное лицо или представитель какого-либо учреждения - сам определит, где и как он сможет реализовать свои желания и возможности в полной мере.

Встречи - мост, соединяющий людей на Востоке и Западе

Дети - посланцы Чернобыля

После специальных исследований всех детских поездок, организованных гражданскими инициативами по приглашению принимающих или шефствующих семей западно-европейских стран, единодушно можно установить, что пострадавшие дети могут стать посланцами Чернобыля. Их присутствие в гостеприимной семье вне бывшего восточного блока

вновь воскрешает чернобыльский кризис в глазах всех семей, их друзей и коллег. Непроизвольно приглашенные становятся посланцами своих братьев и сестер, родителей и других родственников, которые остались дома, уже разуверившись самим совершить такую поездку, в безнадежности, приговоренные повседневно жить здесь в смертельной радиации. Чернобыльские дети оставляют на Западе впечатления, способствуют тому, чтобы происшедшее не кануло в забвение. Своим присутствием они напоминают о нем и предостерегают.

Встречи - мост, соединяющий людей на Востоке и Западе

Семьи, принимающие детей и семьи-шефы - защитники интересов людей из стран Восточной Европы

Наши исследования, проведенные в семьях, приглашающих детей на отдых и семьях, шефствующих над Чернобыльскими детьми, позволяют сделать вывод о том, что не только школьные друзья попавших в беду детей и их соседи, а также немецкие "папы" и "мамы", их друзья, коллеги и друзья из различных политических и общественных организаций становятся, соприкасаясь с детьми Чернобыля, незаметно для себя поборниками интересов незнакомых людей на Востоке. Борьба за улучшение положения людей, пострадавших от Чернобыльской катастрофы, определяет цель действий, предпринимаемых как в своей собственной стране, так и за ее пределами. Ряд высказываний немецких "родителей", побывавших в Беларуси и Украине подтверждают это:

· "Перед моей поездкой в Минск я попытался представить себе условия, в которых там живут люди. Однако действительность превзошла все то,

что я себе представлял. Люди живут там в ужасных условиях. Теперь я хочу помогать им еще больше. Я хотел бы дать им хотя бы маленький кусочек нашего счастья".

· "Только благодаря поездке в Бельниччи я узнал, какой там высокий уровень радиации. Я узнал, что после аварии над Могилевом был искусственно вызван дождь из радиоактивных облаков и что население не было предупреждено об этом. В результате произошло радиоактивное заражение отдельных участков территории и сейчас радиоактивное излучение различной интенсивности представляет опасность для жизни людей. Я слышал также и о том, что международное участие и повсеместная готовность помочь, исходящая от различных инициатив, очень велики и что инфляция очень негативно сказывается на качестве медицинского обслуживания. Я убедился в том, что пребывание детей за границей, например, в Германии, в течение четырех недель значительно улучшает состояние их здоровья".

· "Только благодаря предпринятой поездке я узнал, что без работы с общественностью, направленной на организацию детского отдыха за границей и без других видов помощи появится опасность того, что катастрофа Чернобыльского атомного реактора будет всеми забыта или вытеснена другими событиями. Этого не должно произойти. Все намного ужаснее, чем это может представить себе человек. Я думаю о детях, которым уже сегодня нанесен ущерб. Как люди вообще должны жить там, не имея надежды!"

Встречи - мост, объединяющий людей на Востоке и Западе

Учиться друг у друга и жить друг с другом в Беларуси, Украине и западных районах России

Чтобы избежать опасности, которую таит в себе односторонняя помощь и сделать так, чтобы мы могли учиться друг у друга и жить друг с другом, необходимо всячески способствовать тому, чтобы приглашений и поездок в Беларусь и Украину было все больше. Учитывая то, что люди живут там в очень простых и стесненных жилищных условиях и экономика этих стран переживает глубокий кризис, а также высокую стоимость проживания в гостиницах "Интуриста" необходимо начать поиск путей решения этих вопросов здесь, у нас. В Беларуси и Украине следовало бы создать несколько центров, куда из стран Западной Европы могли бы приезжать немецкие "родители" и шефы, которые хотели бы ближе увидеть и понять жизнь и страдание людей, попавших в беду. Одновременно это могло бы дать толчок к проведению дискуссий по вопросам культуры, истории и другим современным проблемам. Поскольку все опрошенные выразили желание принимать в соответствии с традициями славянского гостеприимства немецких "родителей" и шефов у себя дома, они, несомненно, будут участвовать в подготовке таких встреч.

В этой связи необходимо также иметь в виду, что Чернобыль - это проблема, существующая не только в этом регионе. Подобные проблемы есть и в других республиках бывшего Советского Союза - это различные регионы Сибири, Казахстана, Томск, Челябинск, Арзамас и др.

Образование - создание основ для языкового и культурного взаимопонимания на родине и за рубежом

Подготовка в учебных и центрах отдыха как дополнительное мероприятия для пребывания за границей

Желательно, чтобы встречи семей на Западе были сначала подготовлены на родине. С одной стороны речь идет о том, чтобы восстановить и укрепить здоровье человека, который до этого находился в больнице, и с другой стороны, подготовить его (и возможно одного из членов его семьи) к поездке за границу. При этом речь идет о языковой и другой самой общей подготовке, необходимой для того, чтобы человек мог встречаться и общаться с другими людьми, жить вместе с ними. Для того, чтобы в незнакомой стране, т.е. в другой культурной среде, отдых удался и окрепла надежда, необходимо создать основу для языкового общения (ср. биографические данные в гл. 2 и 3). ЮНЕСКО и Федеративная Республика Германия уже давно планируют создать дома отдыха, а возможно и несколько учебных центров в Беларуси. Эта задача есть и остается первоочередной целью. Для этого, однако, требуется значительная финансовая помощь государственных и каритативных организаций. Чтобы создать возможности для отдыха в скором времени необходимо иметь кооперационных партнеров на первичном уровне, а именно:

- краткосрочно для активно сопровождающей медицинской помощи;
- среднесрочно для одновременного создания молодежных центров встреч;
- в перспективе для создания межкультурных заведений. И сегодня и в будущем недостаточно пропагандировать лишь трансфер техники и учебного

материала. Условия для встреч с людьми из Западной Европы необходимо улучшить, так как встречи с другими людьми смогут открыть белорусам и украинцам возможности для изменений, даже смогут указать им альтернативы к организации быта. Необходимый трансфер техники, напр. поставку медицинского оборудования, следует увязать с созданием сети межчеловеческих связей с Западом на Восток и в обратном направлении, а также с осуществлением соответствующих образовательных программ.

Сопровождение - основы преодоления кризисов

Помощь больным и умирающим и их родственникам

Так как чернобыльский кризис еще далеко не завершен, а продолжается и будет и в грядущие годы тяготеть над отдельными пострадавшими, их семьями и окружением, то необходимо создать предложения по сопровождению тяжело больных. Для кооперации с местными врачами, медсестрами и учителями необходимо разработать и привести в действие следующие формы человеческого сопровождения:

- Службы посещения для сопровождения родителей тяжело больных детей;
- Создание возможности для обмена опытом между родителями (наподобие многочисленных групп самопомощи пациентов здесь, на Западе);
- Простые социально-педагогические курсы, чтобы научить родственников играть с больными, нередко тяжело пораженными детьми; напр.: "Если ты играешь, не играй один..." - "Я расскажу тебе о себе!"
- Подготовка сопровождающих на пути преодоления кризиса; напр.:

"...Потому что ты не убежал, видя наш смертельный страх. Взаимное сопровождение для того, чтобы "жить".

Ввиду чувства безысходности болезни и покинутости у пострадавших следует опробовать также возможности сопровождения умирающих в качестве помощи в душевной изоляции, преодоление которой зачастую (что я сама могла видеть) становится родственникам не под силу.

В этой связи возникает вопрос об участии в оказании такой помощи духовников и прихожан. Однако в течение десятилетий церковь подвергалась гонениям и это прошлое затрудняет сегодня русской православной церкви оказание помощи людям, оказавшимся в беде. Наш опрос показал, что все, что касалось религиозной жизни семьи, находилось в "компетенции" бабушек. Во многих местах религиозная жизнь начинает медленно возрождаться. Несмотря на все трудности, которые церковь переживает сегодня, после 72 лет подполья, у нее все же есть шансы для работы с людьми. Именно поэтому необходимо попытаться привлечь церковь к оказанию помощи при сопровождении. Там, где измученные тяжкими страданиями люди потеряли всякую надежду, она может поддержать человека и дать ему утешение.

Таким образом, вполне возможно, что церковь может оказать большую помощь там, где речь идет об организации службы посещения и сопровождения умирающих.

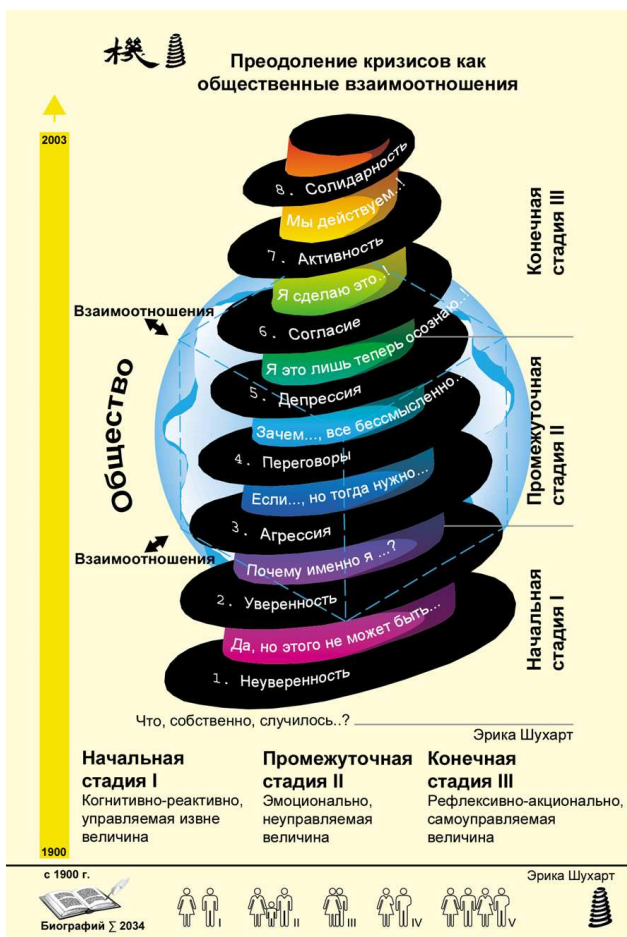
Сопровождение - основы преодоления кризисов

Подготовка сопровождающих

Люди, изъявляющие готовность сопровождать других на пути преодоления кризисов, берут на себя трудную задачу. Опыт показывает, что имеется возможность путем научно обоснованной подготовки так укрепить выносливость этих людей, что они не остаются беззащитными при столкновении с предельными ситуациями и смогут длительное время выносить ее.

Установлено, что сопровождение по преодолению кризиса - это путь, который можно изучить. Значит, необходимы предложения для людей, которые хотят идти этим путем, стать сопровождающими.

В качестве материала для проведения семинаров по данной тематике могут быть использованы результаты исследований, проводившихся в разных



Заключительные замечания

Во всем мире оправдались три формы оказания внимания тяжело больным людям в кризисных районах - встречи в рамках программ по проведению отдыха, образование для языкового и культурного общения и сопровождение на пути преодоления кризиса в повседневном быту. В Беларуси и Украине они тоже необходимы и могут стать плодотворными, если организовать их в соответствии с местными условиями. Эти рекомендации, а также взятый за основу материал, анкеты опросов, руководства по ведению бесед и литературные исследования могут быть в модифицированном виде перенесены на другие кризисные ситуации в мире. Организации ООН по оказанию помощи могут действовать подобным образом и в других странах при бедственных ситуациях. Эти рекомендации основаны чувством живой, всемирной ответственности, хотя они лишь призывают убежденно и действенно идти трудным и долгим путем "безмолвной революции детей Чернобыля".

11. Международные инициативы в районе катастрофы

Чего можно добиться личной помощью для пострадавших детей на подвергшейся на десятилетия радиоактивному заражению территории, скептически может спросить читатель. И впрямь, для того, чтобы ознакомиться с рекомендуемыми здесь мероприятиями по оказанию помощи при отдыхе и в жизни, необходимо иметь представление о том, что предпринимают международные инициативы. Разнообразные мероприятия по оказанию помощи делятся на:

1. Проекты организаций ООН,
2. Проекты европейских организаций,
3. Двусторонние проекты отдельных государств и Федеральных земель с Беларусью и Украиной,
4. Наряду с этим большое количество частных институций. К счастью, в марте 1994 г. Федеративная Республика Германия и Беларусь разработали и приняли меморандум, который улучшает политическую исходную базу для последней, четвертой группы. Он, кроме того, является мостом для осуществления контактов с другими международными органами. Его следует рассматривать как меморандум "взаимопонимания", а как таковой он выполняет подготовительную функцию для других двухсторонних соглашений.

1. Проекты организаций ООН

— В качестве примера эффективного международного сотрудничества следует назвать исследовательскую комиссию Всемирной Организации Здравоохранения, которая была направлена в пораженные районы после того, как стало известно о росте заболеваемости щитовидной железой у детей. Для ориентировочного определения потребности в медицинском оборудовании и медикаментах была установлена диагностическая аппаратура. Для оказания конкретной

медицинской помощи на местах в конце 1992 г. в Минске состоялась международная конференция на тему "Профилактика заболеваний щитовидной железы". Оснащенность медицинским оборудованием и медикаментами, однако, не могут восполнить недостаток в специалистах и их подготовке, не может она также заменить необходимые для эффективной терапии деловые и организационные предпосылки.

— В апреле 1992 г. между Всемирной Организацией Здравоохранения и министерствами здравоохранения России, Украины и Беларуси было заключено соглашение о международной программе по медицинскому преодолению последствий катастрофы. Производится накопление и обмен опытом по лечению жертв радиоактивного облучения, разрабатываются новые научные данные биологии радиоактивного облучения человека, чтобы предоставить их заинтересованным лицам. К этой программе ВОЗ, финансируемой правительствами Японии и Финляндии, теперь уже подключились и другие страны.

— В рамках проекта ЮНЕСКО — "ЧЕРНОБЫЛЬ" на местах создаются три реабилитационных центра, финансируемых общественными организациями Федеративной Республики Германия и правительством Канады.

— Организация ООН по продовольствию и сельскому хозяйству совместно с интегрированным в ООН Международным агентством по атомной энергии сотрудничает с белорусским Министерством сельского хозяйства в проекте по использованию веществ, способных снизить уровень радиоактивного заражения пищевых продуктов.

2. Проекты европейских организаций

В качестве примера для входящих в эту группу организаций я назову Европейский Союз, по поручению которого разработана Программа

технической помощи для стран СНГ, предусматривающая создание системы раннего оповещения в случае угрозы новых атомных аварий. Финансируется она Комиссией Европейского Союза в Брюсселе. Имеется договоренность между Комиссией ЕС и 11 беларускими научно-исследовательскими учреждениями о сотрудничестве во многих больших проектах в области лучевой медицины, радиозэкологии, а также о создании системы срочных мер после аварий на атомных электростанциях.

3. Проекты двустороннего сотрудничества

Для этого типа оказания помощи я назову лишь отдельные примеры таких институций в Германии:

— Федеральная Земля Северный Рейн-Вестфалия патронирует Центр педиатрической хирургии в Минске и оказывает поддержку, постоянно снабжая его медицинским оборудованием и медикаментами.

— Федеральная Земля Нижняя Саксония под покровительством жены премьер-министра создала собственный фонд по оказанию медицинской помощи в районе катастрофы.

— Федеральная Земля Гессен совместно с организацией "Жизнь после Чернобыля" предоставила денежные средства для строительства Детского реабилитационного центра.

— Центр пересадки костного мозга медицинского института в Ганновере сооружает в сотрудничестве с Немецким Красным Крестом "Минский филиал". Подготовка персонала производится в Беларуси. Расходы несет Немецкий Красный Крест. Оснащение приборами и снабжение медикаментами также осуществляется им.

4. Проекты частных институций

— Созданное в 1992 г. Федеральное общество "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ" объединяет почти 200 инициативных групп. Оно занимается

исключительно кооперацией и координацией всех Чернобыльских инициатив по всей Германии. Особенность этой группы состоит в том, что побуждением к ее созданию явилась сильная одноименная инициатива — первая гражданская инициатива в Минске. Она проводит интенсивную работу с общественностью. Минский фонд подготавливает совместные международные конгрессы; в будущем ежегодно в Минске, в 1996 г. под девизом "10 лет спустя — голоса из Чернобыля". Между прочим, и МАГАТЭ проведет в 1996 г. международную конференцию в Вене. Все эти разнообразные усилия послужат и благу пострадавших детей. Это подтверждает и каталог поддерживаемых проектов, которые приведены в Германско-Беларуском меморандуме.

- Создание детских оздоровительных центров;
- Разработка системы радиационного мониторинга для районов, прилегающих к Игналинской АЭС;
- Оказание содействия при разработке законодательных документов по ядерной безопасности;
- Подготовка врачей-специалистов;
- Разработка и осуществление программ по измерению лучевой нагрузки;
- Участие в создании Международного исследовательского центра в Беларуси.

Итак, имеется множество обнадеживающих видов оказания помощи и попыток ограничения ущерба. Больные дети и их семьи нуждаются в человеческом тепле, которого не могут дать крупные проекты. Кто же позаботится о детях Чернобыля? Этот вопрос должны задать себе наряду с политиками, журналистами, хозяйственными руководителями и учеными также все граждане, так как катастрофа на АЭС в Чернобыле — это такая катастрофа, которая касается всего мирового сообщества. Дети Чернобыля — это и наши дети.

12. И все же надеяться! Единство науки, политики и нравственности

Невежественные и безнравственные правительства имелись во все времена и во всех странах. Отдельные властители даже были убеждены, что слишком много знаний может причинить государственной власти лишь вред. Император куинг шихуанг, "завершитель" строительства Великой Китайской стены, приказывал убивать ученых и философов или изгонять их из страны и сжигать их книги. Победоносный султан сулейман приказал сжечь дотла огромную библиотеку в Александрии, считая, что человечеству достаточно одной единственной книги — Корана. История человечества изобилует такими мракобесами — вплоть до ГИТЛЕРА и СТАЛИНА. Менялись гербы, государственные флаги, титулы и идеологии, принципы же безнравственной власти сохранились: для достижения успеха хороши все средства; сильный определяет, что такое право.

Но были и исключения: например, император-философ Марк Аврелий, император Фридрих II фон Хоэнштауфен и другие короли, папы и князья, любившие литературу, музыку и изобразительное искусство. Но лишь немногих властителей превосходное образование и изысканный вкус делали более справедливыми и более человечными.

Невежественные и безнравственные властители прежних времен, от Трои до Хиросимы, от походов Чингисхана до Освенцима и Колымы, уничтожили сотни, тысячи, а в нашем веке даже миллионы людей. Они разрушали храмы и города, превращали цветущие края в пустыни, стирали с лица земли целые племена и народы.

Невежественные и безнравственные властители сегодня в состоянии уничтожить миллиарды людей, даже все человечество и вообще все живое на земле. Однако и сегодня мы безропотно довольствуемся тем, что государственная политика и наука являются совершенно различными мирами, взаимопонимание между которыми едва возможно. И сложилось мнение, что человечность, справедливость, совесть и милосердие ни к одному из этих миров не относятся, что эти качества присущи лишь отдельным людям или небольшим сообществам. В политике же и науке эти понятия используются лишь в пропагандистских или других риторических целях.

В сентябре 1945 г. АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН и ТОМАС МАНН совместно с отдельными американскими публицистами и учеными написали Декларацию "Первая атомная бомба разрушила не только город Хиросиму — она разрушила окончательно также наши традиционные, давно устаревшие политические идеалы (...). Существование нашей цивилизации зависит от того, насколько мы будем развивать науку человеческих отношений — способность мирного сосуществования и сотрудничества самых различных народов на одной и той же планете."

С тех пор появилось великое множество мудрых сочинений в духе гуманизма. Однако одновременно продолжалось производство сотен и тысяч более современных и более эффективных атомных бомб и других средств массового уничтожения.

С 1958 по 1963 год АНДРЕЙ САХАРОВ тщетно пытался объяснить правительству Хрущева, что дальнейшее испытание ядерных бомб чрезвычайно опасно для человека и природы. На что Хрущев ответил: *"Не Сахарову учить нас политике. Ученые должны заниматься своим делом. Вопросы вооружений являются государственно-политическим делом."*

В июле 1968 г. АНДРЕЙ САХАРОВ подробно обосновал необходимость объединения науки и морали в своем

меморандуме *"Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе"*.

Однако вскоре после этого советские танки задавили чехословацкий "социализм с человеческим обликом". А в последующие годы свирепствовали кровавые битвы в Афганистане и Никарагуа, в Юго-Восточной Азии, в Персидском заливе, в Южной Африке, Ливане и других местах. Взрываются все новые бомбы террористов, в генеральных штабах образованные военные разрабатывают подробные планы больших войн на земле и в космосе. Ученые всего мира, верные своим профессиональным традициям и послушные своим правительствам, разрабатывают и изобретают все более совершенные средства для истребления людей и разрушения окружающей среды.

Российский историк и филолог ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ, выступая в 1985 г. по московскому телевидению, сказал: *"Наука все активней вторгается в нашу жизнь, ее бурное развитие определяет наше благосостояние и наши нужды. Поэтому нравственность ученого становится наиглавнейшим критерием."*

Сегодня, после Хиросимы и Чернобыля, люди живут в мире огромных опасностей, на берегах отравленных рек и озер, в городах, задыхающихся от смога и суеты, в катастрофически перенаселенных странах, находясь под угрозой массовой голодной смерти. Поэтому недостаточно, если правительства от случая к случаю консультируются у ученых. Основой государственной политики должны стать не только естественные, но и гуманитарные науки, по возможности свободные от идеологий.

Что побудило МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА распорядиться отменить ссылку лауреата Нобелевской премии АНДРЕЯ САХАРОВА? Тревожила ли его забота о международном престиже государства?

Или он осознал, что для успешного экономического и социального оздоровления страны неизбежны еще и принципиальные изменения в общественной жизни? Или, возможно, имелись еще другие причины?

Реформы перестройки столкнулись с упорным сопротивлением не только со стороны привилегированной номенклатуры. Опыт последних десятилетий сделал большинство советских граждан подозрительными к многообещающим посулам правительства. Они не верят, что могут оказывать влияние на политику и становятся безразличными, душевно утомленными, а иногда и циничными.

Но и реформаторы, действительно стремящиеся выполнить свои обещания, тоже должны привлекать больше сторонников, активно участвующих в этих больших преобразованиях.

Русская пословица гласит: *"Одна ласточка весны не делает."* Тем не менее хотелось бы надеяться, что состоявшийся в 1986 г. телефонный разговор между АНДРЕЕМ САХАРОВЫМ и МИХАИЛОМ ГОРБАЧЕВЫМ, когда тот позвонил ссыльному ученому, был символическим предзнаменованием.

Может быть из всего опыта трагической истории России, из разрушенных надежд и иллюзий и неразрушимой мечты, наконец возродится единство науки, политики и нравственности. Политика должна стать научной и нравственной, а наука должна стать нравственной и политической, и не только в Советском Союзе, но во всех странах. Лишь это сможет сохранить жизнь во Вселенной.

Лев Копелев

13. СОВМЕСТНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ ПОСЛОВ БЕЛАРУСИ, УКРАИНЫ И ГЕРМАНИИ

26.04.1986 г. ужасная дата. Это день начала Чернобыльской катастрофы. Но этот день, 26.04.1986 г., означает еще и совершенно иное, начало чего-то беспредельно хорошего. Этот день породил движение необычайно действенной солидарности с жертвами катастрофы. С тех пор многочисленные немецкие граждане, группы граждан, общины и даже федеральные земли оказывают действенную помощь и доказали свою способность сотрудничества с жертвами при преодолении катастрофы.

Разумеется, что солидарность и помощь в первую очередь получают те жертвы, которые не в состоянии помочь себе сами — дети. Таким образом тысячи Чернобыльских детей были приглашены в Германию. Они жили в семьях, играли со своими сверстниками, резвились в зеленой траве, беззаботно отдыхали несколько недель от психических нагрузок жизни на своей зараженной радиацией родине.

Настоящим абсурдом является то, что определенные круги пытаются запретить приглашать детей и аргументируют это тем, что по возвращении на родину они будут подвергнуты "культурному шоку", который, якобы, повредит их души. Наверное, некоторым людям не нравится то, что дети возвращаются домой с положительным впечатлением о жизни в Германии и о немцах, с иным представлением, чем-то, которое им долгое время внушала политическая пропаганда. Но не имеет смысла гадать о мотивах противников, они, наверное, самого различного рода.

У нас, у послов, не создается такого впечатления, что детям после своего возвращения на родину пришлось испытать непреодолимый "культурный шок". Но до сих пор это было лишь "впечатлением" дипломатов, которое они не могли подтвердить данными. Поэтому очень полезно и чрезвычайно важно, что было проведено это исследование проф. д-ра ЭРИКИ ШУХАРДТ, которое опровергает "теорию культурного шока" сотнями имеющихся примеров. Мы уже долго ждем появления этой документации ГОЛОСА ЧЕРНОБЫЛЯ, она нужна нам, мы распространим ее по всему свету.

Даже само определение "культурный шок" уже неудачно и показывает, насколько небрежно работали оппоненты. Уж если, то следовало бы скорее говорить о "цивилизацией ном шоке", хотя и это определение так же неточно.

Позвольте заметить, мы здесь не хотим утверждать, что дети должны отдыхать только за рубежом, это было бы неблагоприятно. Важно точно так же, чтобы в самой Республике Беларусь создавались центры отдыха для детей, такие как Центр "Надежда" под Минском. Последствия Чернобыльской катастрофы так ужасны, что при совместной работе по их преодолению нельзя оставить неисчерпанными и самых малейших возможностей.

Чернобыль вызвал в Германии широкую волну солидарности, помощи и сотрудничества, человеческих контактов и взаимопонимания, да и настоящей дружбы. Энтузиазм не снижается. Сила этого движения и далее крепнет. Поэтому слова Эрики Шухардт "Безмолвная революция детей Чернобыля" — очень удачны.

Так, среди народов появилось мощное движение за мир. Народ, люди сами уже осуществляют то, что правительства поставили себе долгосрочной целью: Добрососедство, сотрудничество, взаимопонимание, примирение, дружба.

АЛЕКСАНДР РУХЛИЯ
Посланник Республики
Беларусь в Федеративной
Республике Германия

ЮРИЙ КОСТЕНКО
Посол Украины в
Федеративной
Республике Германия

ГОТТФРИД АЛЬБРЕХТ
Посол Федеративной
Республике Германия в
Республике Беларусь

д-р АЛЕКСАНДР АРНОТ
посол Федеративной
Республике Германия в
Украине

В главах 14 и 15 немецкого издания содержится список литературы по данной теме, а также анкета, по которой проводилось исследование.

15. МЕМАРАНДУМ АБ УЗАЕМАРАЗУМЕННІ

ПАМІЖ УРАДАМ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ І УРАДАМ
ФЕДЭРАТЫЎНАЙ РЭСПУБЛІКІ ГЕРМАНІЯ ПА
САДЗЕЙНІЧАННЮ СУПРАЦОЎНІЦТВУ
Ў МЭТАХ ЗМЯКЧЭННЯ ВЫНІКАЎ АВАРЫІ НА
АТАМНЫМ РЭАКТАРЫ Ў ЧАРНОБЫЛІ
(ЧАРНОБЫЛЬСКАЯ ДАПАМОГА) *

Урад Рэспублікі Беларусь і Урад Федэратыўнай Рэспублікі
Германія,

усведамляючы неабходнасць далейшай хуткай і эфектыўнай
дапамогі насельніцтву, якое пацярпела ад аварыі на
атамным рэактары ў Чарнобылі,

беручы пад увагу вялікую дапамогу, якая аказвалася і
аказваецца нямецкімі прыватнымі ініцыятывамі, а таксама
дзяржаўнымі і грамадскімі арганізацыямі з мэтай змякчэння
вынікаў аварыі на атамным рэактары ў Чарнобылі,

усведамляючы неабходнасць узаемнай падтрымкі ў
рэалізацыі ініцыятыў па аказанні дапамогі, што
ажыццяўляюцца прыватнымі і дзяржаўнымі структурамі,

выказваюць свой інтарэс і сваю гатоўнасць працягваць
супрацоўніцтва па змякчэнні вынікаў аварыі на атамным
рэактары ў Чарнобылі. Яны ўсведамляюць значэнне
асабліва прыватных ініцыятыў у змякчэнні аварыі на
атамным рэактары ў Чарнобылі і выказваюць сваё імкненне
падтрымліваць эфектыўнасць і поспех ініцыятыў па меры
сваіх магчымасцей, у прыватнасці, шляхам наступных мер:

1. а) пастаянная актуалізацыя і ўдакладненне патрэбнасцей і
прыярытэтаў дапамогі ў забеспячэнні медыкаментамі і
медыцынскім абсталяваннем,
- б) дапамога ў стварэнні медыцынскіх цэнтраў дыягностыкі і
лячэння рака шчытападобнай залозы і іншых хвароб,
абумоўленых радыёактыўным апраменьваннем,
- в) дапамога ў навучанні і павышэнні кваліфікацыі
медыцынскага персаналу,

г) падтрымка ініцыятыў па аздараўленні дзяцей, што пацярпелі ад аварыі на атамным рэактары ў Чарнобылі, у тым ліку па арганізацыі адпачынку дзяцей у Германіі і падтрымцы аздараўленчых цэнтраў у Рэспубліцы Беларусь,

д) абмен інфармацыяй аб існуючых і новых арганізацыях у Германіі і ў Беларусі, дзейнасць якіх накіравана на змякчэнне вынікаў аварыі на Чарнобыльскім атамным рэактары, з мэтай аказання садзейнічання супрацоўніцтву паміж імі, у прыватнасці ў гуманітарнай і медыцынскай сферах. Гэта тычыцца абмену адрасамі і данымі аб

- групам Чырвонага Крыжа, царкоўных або іншых дабрачынных арганізацыях і фондах,

- дзіцячых дамах, школах-інтэрнатах, лячэбных і аздараўленчых цэнтрах, іншых медыцынскіх установах, у якіх лечацца або вучацца асобы, што пацярпелі ад аварыі на атамным рэактары ў Чарнобылі,

- кантактных адрасах з мэтай наладжвання партнёрскіх сувязей паміж асобнымі супольнасцямі, школамі і бальніцамі ў Германіі і гарадамі, раёнамі і адпаведнымі ўстановамі ў Беларусі.

2. Бакі будуць у межах сваіх магчымасцей аказваць дапамогу праектам і ініцыятывам, якія скіраваны на вырашэнне праблем аховы насельніцтва адпраменьвання. У прыватнасці будзе аказвацца садзейнічанне ў абмене вопытам аб мерах па ахове ад апраменьвання, метадах даследаванняў і механізмах дзеяння апраменьвання.

3. Бакі дасягнулі згоды аб прыняцці мер па падтрымцы ініцыятыў па змякчэнні вынікаў аварыі на атамным рэактары ў Чарнобылі, у прыватнасці:

а) бесперашкодная і хуткая выдача віз,

б) адпаведная гуманітарнай дапамозе маркіроўка дабрачынных грузаў і суправаджальных дакументаў,

в) у выпадку выкарыстання нямецкіх транспартных сродкаў - прызнанне нямецкіх вадзіцельскіх правоў і нямецкіх страховак,

г) забяспячэнне нямецкім суправаджаючым асобам магчымасці накіроўвацца з гуманітарнымі грузамі да месца іх прызначэння, удзельнічаць у размеркаванні гуманітарных грузаў і сачыць за правільнасцю іх прымянення,

д) неадкладная выдача без дадатковых фармальнасцей (за выключэннем абавязковага для міжнароднага транспарту страхавання) неабходных дазволаў на ўвоз і перавозку гуманітарных грузаў.

4. Абодва бакі згодныя ў тым, што хуткае і спрошчанае выкананне пагранічных і мытных фармальнасцей можа гарантаваць эфектыўную і бесперашкодную рэалізацыю акцый дапамогі. Дзеля гэтай мэты пагранічныя і мытныя службы Рэспублікі Беларусь павінны рабіць неабходныя захады, каб забяспечыць наступнае:

а) першачарговы пагранічны кантроль і выкананне мытных фармальнасцей з транспартнымі сродкамі і грузамі гуманітарнай дапамогі,

б) спрошаны спосаб запаўнення мытных дэкларацый на грузы, якія увозяцца,

в) вызваленне ад аплаты мытных збораў,

г) бесперашкоднае праходжанне транспарту з гуманітарнымі грузамі праз мяжу і правядзенне мытнага афармлення ў месцы прызначэння,

д) дазвол складаць паштовыя мытныя дэкларацыі на нямецкай мове,

е) пры ўзнікненні праблем, звязаных з транзітам, - неадкладнае ўзаемнае інфармаванне і прыняцце ўзгодненых мер для вырашэння гэтых праблем.

5. Абодва бакі пры ўзнікненні падазрэнняў аб парушэннях пры рэалізацыі ініцыятыў дапамогі будучь інфармаваць адзін аднаго і высвятляць стан спраў пры ўдзеле адпаведных партнёраў і кампетэнтных органаў.

6. Абодва бакі пагаджаюцца ў тым, што іх прадстаўнікі будучь рэгулярна сустракацца дзеля вырашэння праблем, звязаных з рэалізацыяй гэтага Мемарандума.

7. Абодва бакі вызначаюць па адным прадстаўніку, якому ставіцца ў абавязак каардынацыя супрацоўніцтва па змякчэнні вынікаў аварыі на атамным рэактары ў Чарнобылі, пры гэтым з боку Рэспублікі Беларусь гэта будзе дыпламатычны супрацоўнік Міністэрства Замежных Спраў, з боку Федэратыўнай Рэспублікі Германія - дыпламатычны супрацоўнік германскага Пасольства ў Рэспубліцы Беларусь.

Апрача таго беларускія мытныя і пагранічныя органы прызначаюць асоб, якія маглі б аказаць неадкладную дапамогу ў выпадку неабходнасці пры ўзнікненні канфліктных сітуацый.

Мемарандум аб узаемаразуменні падрыхтаваны у двух арыгіналах, кожны ў ідэнтычным нямецкім і беларускім выкладзе, прычым абодва тэксты маюць аднолькавую сілу.

Бонн, 3 сакавіка 1994 года

За Урад Рэспублікі Беларусь _____ подпіс

За Федэральны Урад

Федэратыўнай Рэспублікі Германія _____ подпіс

16. Биографические данные авторов и сотрудников

Д-р МАРИО ФАЙГЕЛЬ:

Канд. мед. наук Марио Файгель родился в 1940 г. получил образование врача-анестезиолога. До 1988 г. работал ст. врачом отделения анестезиологии Кильского университета. С 1988 г. изучение глубинной психологии в институте К.Г. Юнга в Цюрихе, диплом получил в 1994 г. Работает психотерапевтом и ст. врачом-анестезиологом в Морской больнице Заленбург, Куксхафен.

АНАТОЛИЙ ИСТОМЕНОК:

Анатолий Истоменок родился в 1958 г. в Борисовском районе Минской области, изучал немецкий и английский языки в Институте иностранных языков в Минске и в Йенском университете. С 1986 по 1993 гг. работал учителем немецкого и английского языков, с того времени работает переводчиком в торговой фирме.

МИХАИЛ КОЗЛОВСКИЙ:

Михаил Козловский родился в 1962 г. в Больших Укроповичах Минской области. После учебы в профтехучилище и работы монтером изучал немецкий и французский языки в Институте иностранных языков в Минске. 1986 - 1989 гг. - учитель немецкого и французского языков, а с 1989 г. ассистент кафедры психологии Института иностранных языков в Минске. С 1993 г. он является членом правления минского фонда "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ".

Д-р ЛЕВ КОПЕЛЕВ

Лев Копелев родился в 1912 г. в Киеве, изучал философию и германистику в Харькове и Москве, защитил диссертацию в мае 1941 г. Был на фронте с 1941 по 1945 гг. офицером-агитатором. В последний месяц войны арестован, обвинение: сострадание к врагу. Почти десять лет тюрьмы и лагерей. После реабилитации в 1956 г. преподавал в

реабилитации в 1956 г. преподавал в институтах, был сотрудником Института истории искусства. С 1980 г. живет в Федеративной Республике Германия. В 1981 г. лишен советского гражданства. Научно-исследовательская профессура Бергишского университета в Вуппертале. В 1981 г. - лауреат премии Мира Немецкой книжной торговли.

ФРАНК НЭГЕЛЕ

Франк Нэгеле родился в 1940 г. в Золингене. Получил образование экономиста оптовой торговли. Вместе с женой Малгожатой Колтун-Нэгеле является активным сотрудником общества "ЗОЛИНГЕРСКАЯ ПОМОЩЬ ДЛЯ МИНСКА - ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ". С 1994 г. член правления ФЕДЕРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ ЧЕРНОБЫЛЬСКИХ ИНИЦИАТИВ".

Д-р ПЕТР САДОУСКИЙ

Канд. фил. наук Петр Садоуский родился в 1941 г. в Витебске, Беларусь. С 1953 -1959 гг. учился в военном училище в Минске, а с 1959 - 1969 гг. изучал германистику и испанистику в Минском лингвистическом университете. С 1964 - 1990 г. научно-исследовательская и преподавательская работа в Лингвистическом университете. Академии наук, Белорусском госуниверситете, а также в педагогическом институте. С 1990 - 1992 гг. депутат (от фракции Народный фронт) Белорусского парламента и председатель комиссии иностранных дел, а с 1992 - 1994 гг. посол Республики Беларусь в Германии. В настоящее время - депутат Белорусского парламента и доцент Минского лингвистического университета языкознания.

Д-р ХЕЛЬГЕ-Д. ШЕНК

Канд. мед. наук Хельге-Детлев Шенк родился в 1940 г. в Берлине, изучал медицину в Гёттингене. С 1981 г. главный врач института клинической анестезиологии и интенсивной медицины евангелической больницы Гёттинген-Веенде - академической больницы Гёттингенского университета. Среди прочего он

является членом правления ФЕДЕРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА "ДЕТЯМ ЧЕРНОБЫЛЯ" и Фонда Федеральной Нижней Саксонии "ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ".

Проф. д-р Эрика Шухард

Проф. д-р фил. наук Эрика Шухардт родилась в 1940 г. в Гамбурге, она профессор Ганноверского университета. Изучала социологию, спецпедагогика и обучение взрослых. Публикации на темы о социальной интеграции неадаптированных групп, о теории консультирования во время подготовки, переподготовки и повышения квалификации, а также об исследовании быта и женских вопросов. Была членом Синода Евангелической церкви Германии с 1972-1990 гг., член экуменических органов Всемирного совета церквей, вице-президент Немецкой Комиссии ЮНЕСКО. С 1994 г. член Немецкого бундестага.

МАРК ШПАЙХ

Марк Шпайх маг. филологии родился в 1970 г. в Бонне, изучал Политологию и Современность, Новую историю а также Государственное и Европейское право в Боннском и Кембриджском университетах. Работает над кандидатской диссертацией в Боннском университете и является научным сотрудником бюро члена Немецкого бундестага проф. д-ра Эрики Шухардт.

ИРИНА УСОВА

Ирина Усова родилась в 1966 г. в Осиповичах Могилевской области. Поработав на автоэлектростанции с 1985 - 1990 гг. изучала немецкий и английский языки в Институте иностранных языков в Минске. Затем переводит для Торговой Палаты, журнала международного сотрудничества DEMOD, газеты Racing for Belarus и других печатных изданий.